

АНАСТАСИЯ СОБОЛЕВСКАЯ

ПОЯС ОТЧУЖДЕНИЯ

Пояс отчуждения

Анастасия Соболевская

Пояс отчуждения

«Animedia»

2020

Соболевская А.

Пояс отчуждения / А. Соболевская — «Animedia»,
2020 — (Пояс отчуждения)

ISBN 978-80-7499-430-2

22 век. Мир полностью изменился после разрушительной войны. Остров Эвдон был полностью уничтожен генералом Адлером. После войны и страшной эпидемии Синей чумы столица Гельдерлин, власть в которой делят военные и влиятельная семья торговцев, истощена из-за нехватки пищи и ресурсов. Но покинуть столицу без риска быть застреленным с башен, выстроенных по периметру высокой стены, опоясывающей город, не может никто. Стена же будет стоять сто лет – пока не умрёт последний носитель вируса. Единственное место в городе, где жители могут прилично заработать, – пирамида «Мэссив Генетик», которой управляет учёная Аврора Сантери. Но чтобы попасть в пирамиду, люди должны принять участие в сомнительном эксперименте по созданию уникальной сыворотки для военных, формула которой основана на крови эвдонского солдата, выжившего во время войны и по непонятной причине получившего возможность быстро исцеляться от любых ран. Серии «Пояс отчуждения», «Хроники разрушенного королевства» и роман «Грета за стеной» – части общей вселенной, где сюжет объединён местом действия, но разделён временем: средневековье, современность и мир будущего.

ISBN 978-80-7499-430-2

© Соболевская А., 2020

© Animedia, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Анастасия Соболевская

Пояс отчуждения

© Анастасия Соболевская, 2020

© Издание, оформление. Animedia Company, 2020

Глава 1

Ей снова снилось, как четверо солдат дневного патруля Сектора 7 избивают человека. Мужчина, лица не видно, тёмно-серая форма с серебряными вставками... Значит, он из Пирамиды. Несмотря на попытку отбиться, солдаты вытащили его из кабины грузовика и дали под дых. Он согнулся, повалился на землю, а озверевшая в своей узаконенной безнаказанности четверка блюстителей порядка начала молотить его резиновыми дубинками со стальными набалдашниками, которые генерал Бранд запретил ещё три месяца назад. Один ударил мужчину ногой по лицу, тот заревел и схватился за челюсть, а начальник патрульной команды продолжал спокойно подпирать спиной обшарпанную стену бывшего склада и невозмутимо тыкать в экран планшета.

Она пряталась за другим углом, притаилась, как зверёныш за деревом, и глядела, как жертва произвола пытается спастись под машиной. Она сама не поняла, как в её руке оказался железный прут. Он был жёстким и шершавым. Ржавые струпы царапали детскую кожу.

Её битва против четверых была короткой и глупой. Она успела отогнать от мужчины только одного солдата, а потом упала рядом, схватившись за разбитый висок. Железный прут выпал из рук. Мужчина уже лежал без сознания, а его лицо было залито кровью.

– Отставить! Отставить!

Это кричал начальник команды. Планшет остался валяться у стены. Он с силой оттолкнул солдат от девчонки.

– Сучка меня укусила!

– Отставить, я сказал! Это девка Адлера, ослеп?!

– Не ослеп.

Последовал сильный удар по спине. Рука ребёнка сама потянулась за железным прутком. Нога в тяжёлом военном ботинке оттолкнула железку. Чьи-то невидимые руки потащили её в сторону и оставили у щербатой стены.

– А если она нас сдаст?

– Кому?

Огромный чёрный кулак камнем опустился ей на лицо. Темнота.

Она распахнула глаза и уставилась в безразличный серый потолок. За окном шумел опостылевший ливень, гремел гром. Простыня пропиталась потом, а скомканное одеяло лежало в ногах. Жарко. Она перевела дыхание и вытерла лоб. Брат говорит, что ей надо чаще пить «Альпраксил», чтобы перестали сниться кошмары, но это были не простые ночные кошмары. Это были воспоминания.

– Как спала? – спросил Кай, отправляя в рот подгоревший кусочек яичницы.

Яйца, чёрный хлеб. Сегодня, как и многие дни до этого, это скудное меню было их единственной едой на завтрак, обед и ужин.

– Как младенец, – ответила Айла и села за обеденный стол. Брат уже почти всё съел, а ей кусок в горло не лез.

– Ты снова кричала, – сказал он. – Подошёл к тебе, а ты мне чуть в ухо не врезала.

– Не помню такого.

– Конечно, ты же даже не проснулась.

– Это откуда? – спросила Айла, взяв из вазы два сочных апельсина.

– Сторговался с начальником. Отдал ведро угля.

– Они не меньше трёх стоят.

– Я умею убеждать.

– Что ты ему продал?

Кай поджал губы. Сестра всегда знала, когда он врёт.

– Отцовский портсигар, – ответил он, уткнувшись в тарелку. – Он ещё на зажигалку позарился. Но я не отдал.

– Могло быть и хуже.

Парень улыбнулся.

– Ты лучше ешь.

Айла взяла нож и разрежала один из апельсинов пополам. От сочного цитрусового запаха сразу засосало под ложечкой.

– Откуда у тебя вообще взялся уголь? – спросила Айла, отправив в рот сочную кислосладкую мякоть.

– Оттуда же, откуда и всё остальное.

– Воровать плохо, ты знаешь?

– Если мы не говорим о людях, чьи рожи вот-вот треснут от жира. Мне на неделе выпали смены с самым вредным дежурным по порту. Он скорее повесится на своих подтяжках, чем даст грузчику утащить домой хотя бы одну картофелину или кабачок для «Мэссив Генетик». Придётся снова воровать обед из столовой.

– Ты бы лучше сам ел. Я-то в кабинете сижу, а ты таскаешь тяжёлые ящики.

– И что? Тебе в обед дают одни чёрствые булки. Министерство продовольствия ещё называется.

– Я младший сотрудник, мы все так едим.

– Неправда. Они относятся к тебе как к дерьму.

– Сам знаешь, почему. Я привыкла, и ты привыкни.

Кай фыркнул.

– Ты целыми днями регистрируешь продовольственные карты. Скажи, если бы не камеры, ты бы украла хотя бы пару золотых?

Айла задумалась.

– Наверное. Хотя проще было бы съездить охраннику по роже во время досмотра, когда лезет своими лапами куда не надо, – села бы на двадцать суток. Говорят, в тюрьму поступают только серебряные карты. Хоть поела бы нормально.

– Сволочи.

– Сколько на нашей осталось?

Кай достал из кармана синюю карточку с чёрными квадратными полями.

– Восемь.

– Негусто.

– Хватит на батон и десяток яиц. До понедельника дотянешь.

Айла молча заскребла кусочком хлеба по тарелке. Кай знал, что такое молчание сестры не значило ничего хорошего, но промолчал.

Настенные часы пробили девять. За окном зазвучала громкая торжественная музыка, которая служила неуместным контрастом унылой обстановке за окном и в доме. Им следовало

бы встать, но брат и сестра выслушали гимн сидя. Из невидимого динамика раздался красивый раскатистый мужской голос:

– ПИРАМИДА – ЭТО НАДЕЖДА. «ТРЕАНГУЛ» – ЭТО СИЛА. СТЕНА – ЭТО МИР.

Голос замолчал, как и музыка.

– Пора, – выдохнул Кай, взглянув на светящийся циферблат настенных часов, и взял сестру за руку. – Ты как?

Он был старше её всего на десять минут, но всё равно считал себя её покровителем.

– Нормально, – сказала она и после паузы добавила: – Ты не передумал?

Он боялся услышать в голосе сестры эту надежду.

– Я не имею на это права.

– Ты им не раб. Ты ещё можешь отказаться и не ехать!

– Так будет лучше, ты же знаешь.

– Не будет! – Айла вырвала руку из руки брата. – Я не готова обменять тебя на килограмм моркови и мяса. Я хочу, чтобы мы с тобой жили нормально!

– То, что ты видишь вокруг, не имеет ничего общего с нормальной жизнью, Айла. – Его сердитые, серые, как асфальт, глаза излучали уверенность. – А теперь у тебя появится шанс. Так будет лучше.

Когда они вышли из дома, Айла обнаружила на входной двери огромную надпись, оставленную при помощи баллончика с краской. На сей раз аноним призывал младших Адлеров просто сдохнуть. До этого он желал им сгореть в Преисподней. Не было никаких сомнений, что охрана сама пропустила этого борца с мнимой несправедливостью во двор. Кай уже ловил их на взятке и сказал полковнику Скарпу, тот передал генералу, да без толку – бригады сменяли друг друга, но надписи всё продолжали появляться на двери и стенах, а охранники так и стояли по периметру их забора, делая вид, будто ничего не случилось.

Они не стали стирать оскорбление, времени уже не было.

Погода выдалась намерзнейшая. Тяжёлые тучи гнездились толстыми тушами на крышах многоэтажек в двух кварталах от дома и готовились разразиться новым затяжным холодным ливнем, дул колючий ветер, но Кай наотрез отказался кутаться в шарф, быстро юркнул мимо охранника и сел в старей «Мавис».

В зеркале заднего вида подпирали небо высоченные трубы, из которых сочился жирный чёрный дым. Говорят, если бы не понатыканные по всему городу заводы, которые после строительства Стены одиннадцать лет назад начали работать круглые сутки, привычному теплу бы никогда не пришла на смену мешанина из капризов погоды, сводившая на нет любые старания синоптиков предсказать очередной её поворот. Теперь же никого не удивляло, когда адская июльская жара в течение нескольких часов могла непредсказуемым образом смениться дождём, а новогодний снегопад – палящим солнцем и горячим ветром. Правда, в последние полтора года эти погодные чудеса практически сошли на нет, уступив место стабильному дождливому октябрю, который лишь дважды вытесняла изнуряющая жара.

«Мавис» в толчее других машин приближался к мосту. Автомобиль достался Каю от отца, и тому на правах наследника не всегда нравилось, когда трогали его вещи, что в особенности касалось его балбесов-друзей. Но Айле он позволял делать в его автомобиле всё, что она хотела, даже закидывать ноги на переднюю панель, что она и сделала, едва разместившись на пассажирском кресле рядом с водителем. Она никогда не сидела в автомобиле нормально. Она не убирала ноги даже во время проверки документов – совала карту постовому, постукивая носком по лобовому стеклу, и тот обычно не лез к ней с лишними вопросами. Хотя какие у него могли возникнуть вопросы после того, как он читал фамилию водителя и пассажирки на затёртом куске пластика? Но некоторые всё-таки лезли в бутылку и держали их автомобиль несколько бесконечно долгих минут. «Зачем едете? Куда? Кто может это подтвердить?»

Вдоль набережной тянулись голые чёрные деревья, которые впивались в пасмурное небо тонкими узловатыми сучьями – на них то тут, то там сидели взъерошенные, как после драки, вороны. Утро походило на вечер. Большое табло чёрным кубом нависало над площадью Пяти дворцов и отсчитывало время до окончания действия соглашения «Умеренность», которое бы ознаменовало собой снос проклятой Стены: 88 лет, 9 месяцев, 3 недели, 2 дня, 5 часов, 13 минут, 8 секунд, 7 секунд, 6 секунд, 5...

На горизонте, на острове Ринг синими и белыми огоньками вертолётной площадки сверкала верхушка пирамиды «Мэссив Генетик».

– Быстро же её от краски отмыли, – хмыкнула Айла, глядя на покатую стеклянную стену фронтона, где на уровне тридцатых этажей серебрился знак пирамиды. Когда-то местные спорили, что же он значил, потому что в его начертаниях угадывались и пирамида, и буква «А», и анкх, символ вечной жизни. Кто-то говорил, что «А» – это первая буква в имени Авроры, а кто-то был убеждён, что она означает «Аеон» – «эпоха», «вечность», «бессмертие». Для Айлы этот знак был символом голода, разрухи, несправедливости и одиночества, которое станет её спутником меньше чем через полчаса.

– Конечно, быстро, – пожал плечом Кай, – Сантери никогда бы не позволила следам позорного нападения долго пачкать стену своей пирамиды – руки Авроры всегда остаются чистыми, что уж говорить о лице?

Даже в «Оке» писали об этом инциденте. Трое неизвестных среди бела дня угнали карету скорой помощи, миновали охрану у въезда на остров и обстреляли стекляшку красной краской на глазах у этой самой охраны и главы «Мэссив Генетик». Хорошо, что у них хватило мозгов не выходить из кабины в ожидании ответного залпа свинцовыми пулями. Постреляли, дали по газам, снесли к чёрту шлагбаум и удрали. Полторы минуты, а погоны у всей смены охраны тогда слетели, и мату было... Говорят, даже Аврору до того пробрало это хулиганство, что и она опустилась до портовой матерщины.

– Думаешь, это отверженные?

– Кто ж ещё? Когда я тесты проходил, оттуда «вежливо» пятерых попросили. Не прошли они по каким-то параметрам. Так они там чуть драку тогда не затеяли. Охрана даже пушки повынимала. Окажись я среди них, тоже бы, наверное, что-то такое устроил.

– Как представляю тебя на одной из башен, так в дрожь бросает. Они стреляют даже ночью. Хоть бы по крысам. А если это люди? Как думаешь, кто потом убирает тела? Такие, как ты, и убирают.

– Что поделаться?

– Я до сих пор помню, как стреляли по мне. Не передать, как это страшно.

– Не надо это вспоминать.

– А теперь ты будешь либо там, на башне, смотреть, как они убивают, или мучиться в лаборатории в трубках с пяток по самую макушку!

– Может, и нет. Аврора сказала, подопечные там живут в хороших условиях. К тому же ни я, ни ты ни в чём не будем нуждаться.

– Меня всё устраивает как есть.

– Какая ж ты настырная, а! – Кай стукнул ладонями по рулю. – Тебя устраивает грядка на нашей крыше? Устраивает её постоянно караулить, чтобы охранники не украли урожай? Что тут может устраивать? А теперь даже в случае самого лютого дефицита ты сможешь купить всё, что пожелаешь.

Айла с нескрываемым упреком покосилась на брата.

– Я не передумую. – Кай нахмурился в ответ и ослабил давление на педаль газа.

Девушке стало душно, и она открыла окно. Прохладный липкий ветер лизнул кожу и скользнул за воротник. Совсем скоро начнётся дождь. Айла вздохнула.

Три недели назад Кай услышал от одного из охранников, что Пирамиде снова требуют добровольцы для испытаний новых формул ревинтола и что «Мэссив Генетик» оценивает риски своих подопечных в пятизначную сумму в месяц – и не карточками на еду и одежду, а настоящими деньгами.

– Ого! – воскликнул он и впервые задумался над возможностью альтернативного заработка. Для обескровленного после разрушительной войны с Эвдоном Гельдерлина, с его чёрными рынками и драконовскими ценами в магазинах, это была баснословная сумма, способная кормить семью из четырёх человек обедами от пуза и десертами целый месяц. Даже перспектива пройти десять кругов ада, прежде чем подписать вождеденный контракт, перестала казаться ему чем-то невозможным. А когда Кай увидел, как сестра продаёт одному из ночных караульных мамыны серьги, чтобы купить свежего творога, и вовсе набрался решимости подать заявку на участие в экспериментах.

– Ты забыла, как эти уроды принялись грабить наш дом, едва гроб с телом отца засыпали землёй! – зывал он к благоразумию Айлы, получив от неё пощёчину, когда она узнала, что он прошёл отбор. – Вынесли даже посуду! Наш дом теперь собственность «Треангула»! Если Бранд захочет, он вышвырнет нас на улицу, как щенят! Живём тут на птичьих правах!..

– Пусть и на птичьих! Зато мы вместе. Не пушу!.. – кричала она, отбиваясь от рук Кая, пока ему наконец не удалось обнять её так крепко, что она остановилась и заплакала.

Соседи никогда не верили, что «Треангул» не выделяет детям Нерушимого Генерала дополнительное пособие и что Айла не ворует золотые карточки, и потому постоянно обвиняли их во лжи. Чаще эта убеждённость основывалась даже не на их искренней вере в то, что Адлеры-младшие приbedняются, а на том, что в городе отношение к покойнику оставалось весьма неоднозначным, а потому наследники его находились в довольно шатком положении. Да, кто-то без оглядки на разумные доводы фанатично верил в «Треангул» и потому до сих пор ставил генерала Адлера в пример своим детям, поминая его заслуги во время войны, но тех, кто ненавидел его за идею возвести вокруг города Стену и воспринял день его убийства как национальный праздник, было в разы больше. Айла даже сетовала, что в своё время их семья не переехала в Кантамбрию, где фотографии отца после его защиты Альгарды разве что к больным местам не прикладывали, и, стиснув зубы, продолжала оттирать от входной двери оскорбительные надписи, оставленные неизвестной рукой.

Детям героя Альгарды ещё повезло, что год назад Кай переделал отцовский автомобиль, и теперь их «Мавис» работал на батареях, которые заряжались от центральной теплосети, что было намного дешевле, чем покупать бензин. По крайней мере, его ночные поездки по базам с контрабандным грузом с баржи из Нового Негерда стали приносить хоть какую-то прибыль. Иногда в награду за быструю доставку ему даже давали пакет с сухофруктами или пару ведер модифицированного угля для печи, который при нужных связях на рынке можно было обменять на килограмм-другой яблок или новую обувь. А если наставала острая нужда, то он оставлял уголь себе и топил дом полторы недели, тратя энергию от центрального теплоснабжения на заряд аккумулятора «Мависа».

Вечерами, после скромного ужина, близнецы часто сидели на балконе, откуда была хорошо видна будто подсвеченная изнутри Пирамида, и рассуждали, почему Сантери-старший решил выстроить среди современного города древнюю «гробницу», и что пирамид без покойников внутри не бывает, и спорили, лежит ли труп её основателя в подвале в настоящем саркофаге? Айла ни секунды не сомневалась, что все приписываемые Сантери-старшему изуверские эксперименты над пленными эвдонцами были правдой и что Аврора унаследовала от Доктора Мора эту его черту характера относиться к другим людям как к неодушевлённым предметам.

Когда разум Кая и Айлы не был настроен на философский лад, они считали остатки баллов на синих карточках и запасы, разложив их на старом кухонном столе, чтобы убедиться, что дотянут до следующего понедельника. Иногда запасов хватало, иногда нет. На прошлой неделе

директор пристани попросил Кая отработать лишнюю смену и оплатил переработку карточкой на тридцать литров бензина, которую тот обменял на кулёк крупы и входные билеты на Остров Развлечений – у Кая при взгляде на измученную сестру рука не поднялась обменять их на что-то другое. На следующий день они с Айлой прокатились на чёртовом колесе и «Безумных дорожках», и Кай был рад увидеть, как его любимая сестра вспомнила, что такое улыбаться.

Когда их машина подъехала к мосту, который соединял город с островом Ринг, в воздухе запахло надвигающейся грозой. Молодой худенький солдатик махнул им рукой и указал перестроиться во второй ряд для проверки документов.

– Опустите, пожалуйста, стекло, – вежливо попросил он, наверное, уже в пятисотый раз отдавая честь автомобилистам. – Ваши документы.

– Новенький? – насупилась Айла.

Солдатик замешкался.

– Дай ему документы, – буркнул Кай и передал ей две карточки. Айла сунула их в приоткрытое окно.

– Ньети и менеёр Адлер? – широкие короткие брови удивлённо прыгнули вверх. – Тот самый Адлер? И на «Мависе»?

– А вы считаете, что у нас должен быть частный вертолёт? – огрызнулась Айла, глядя на солдатика как на идиота. Тот виновато опустил глаза.

– Ну, хватит тебе, – пожурил Кай сестру.

– У моего брата встреча с госпожой Сантери через пятнадцать минут. Его принимают в «Мэссив Генетик». Вы ещё долго будете нас держать?

Солдатик молча вернул идентификационные карточки и тронул козырёк фуражки.

– Зря ты так, – пробурчал Кай, когда они отъехали от поста несколько метров. – Ему ещё часов двенадцать под дождём здесь стоять, а ты...

Это был очень длинный мост. «Мавис» двигался медленно, проталкиваясь сквозь толчею едущих к Пирамиде машин. Почти все они скоро вернутся обратно с отказом. Четырнадцать минут. Тринадцать.

– Откажись, – прошептала Айла. – Прошу тебя, откажись.

На её глаза, сегодня странного полуночно-синего цвета, навернулись слёзы, и она укусила себя за щёку, чтобы снова не зареветь. Кай посмотрел на сестру через зеркало заднего вида.

Айла была вылитая мать, только намного ниже и тощая, как смерть. Длинные чёрные волосы, которые она всегда закручивала в тугий пучок на затылке, были тусклыми и жёсткими из-за дешёвого мыла. Торчащие ключицы, слишком тонкие пальцы, всегда поджатые губы – Айлу хотелось выдернуть, как сорняк, и посадить на его место ту красивую девочку, которой она когда-то была.

Кай и сам был далеко не красавец, ведь голод никогда никого не красил. Но, в отличие от сестры, в его глазах даже в самые трудные времена всегда играли яркие искорки, излучающие непонятную окружающим убеждённую уверенность, что всё будет хорошо, даже если сейчас всё было хуже некуда, а белый шрам от осколка стекла на правой ладони служил напоминанием о том, что этот с виду безобидный, улыбочивый парень мог ввязаться и в жестокую драку, если этого требовали обстоятельства.

– Откажись! – снова заскулила Айла. – Откажись, иначе тебя до конца дней запрут в Пирамиде.

– Мы до конца наших дней заперты внутри города. Невелика разница.

– Мы найдём способ пробраться через Пояс Отчуждения и сбежим.

– И что? Ну, не пристрелят тебя башни, ну, преодолеешь ты Сектор 0, дальше что? В других городах нас тоже никто особо не ждёт. Все они огорожены такими же стенами. От нас же попрятались.

– До сих пор не могу поверить, что такое вообще могло произойти.

– Да уж, сто лет карантина – это жизнь целого поколения.

– Так на то и рассчитывали. Аврора сама сказала, что изоляцией на меньший срок ничего не добиться. А отец только её и послушал. За это и расплатился.

– Ты до сих пор её носишь? – спросил Кай.

– Я её никогда и не снимала. – Айла будто отвлеклась от собственных мыслей, вынула из воротника тонкий ремешок и взяла в ладонь кулон. На ремешке висела серебряная пуля с золотым ободком и тремя продольными бороздами, которую вытащили из груди Нерушимого Генерала во время вскрытия. Крошечная пуля, ставшая точкой в их беззаботной жизни.

– Выбросила бы ты её. Так себе талисман, между прочим.

Машина впереди резко затормозила, но Кай успел нажать на тормоз и ударил по сигнальной кнопке. Злополучная машина сверкнула задними фарами.

– Что за обезьяна там, за рулём?! Я не дурак, Айла, – настырно гнул своё юноша. – Я сделал осознанный выбор. Ты всё, что у меня есть, и я вижу, как ты смотришь на витрины. Ты настолько худая, что вот-вот начнёшь светиться насквозь. Ты думаешь, мне нравится на это смотреть?

– И ты решил меня спасти? Я не нуждаюсь в спасителях. Я и так сильная.

– Сильная. А ещё злая на весь белый свет. Я помню, какой ты была в детстве, ещё до всего этого, несмотря на то что была война. Я люблю ту девочку, и её больше нет.

– А меня, стало быть, не любишь такую, как сейчас?

– Люблю. Ты знаешь, что люблю, но тогда ты была намного счастливее.

– И, по-твоему, чтобы я была счастливой, мне нужны деньги? Мне нужен ты.

– Меня на хлеб не намажешь, Мышонок. Деньги в нашем мире гораздо полезнее меня. Хорошее пособие, золотые карты. Не смотри на Пирамиду как на воплощение зла. Подпишу договор – ты будешь жить как королева. Вот что мне сейчас важно.

– Я найду другую работу.

– Скажи спасибо Бранду, что он заставил Вольски взять тебя на твою должность, а меня пристроил в порт. Наша фамилия сейчас – волчий билет. Никто тебя никуда не возьмёт. Или тебе нравятся постоянные обыски, когда эти козлы перетряхивают все твои вещи и чуть ли не лезут в нижнее бельё? Подпишу договор, и ты хоть завтра сможешь отсалютовать Роману средним пальцем и сказать: «Да пошёл ты!»

Нечто похожее на кривую улыбку скользнуло по губам Айлы. Она всегда мечтала уволиться именно так.

– Деньги Пирамиды не валяются на дороге, но для того, чтобы их получить, нужно подписать контракт. Да, я стану лабораторной крысой Авроры, но, если тебе это хоть немного облегчит жизнь, я это сделаю. Вопрос не в том, что я *хочу* войти в Пирамиду, вопрос в том, что я хочу, чтобы ты не голодала.

Оба замолчали. Айла закусила губу и уставилась на зеркальное отражение городских высоток на косой стене Пирамиды. Кай ждал, пока развернётся какая-то легковушка, – водитель передумал ехать в «Мэссив Генетик». Он отследил взгляд сестры и ухмыльнулся.

Северный и южный острова по обе стороны от Ринга казались чёрными, и только тонкий пучок света справа, пробивающийся сквозь густую тучу, падал на самую середину парка Звёздный Двор и высветлял огромное чёртово колесо, которое казалось ещё белее на общем мрачном фоне. С неба начала капать противная морось.

– Закрой окно, – попросил Кай. – Дождь начинается.

– Мне душно, – ответила Айла. – Дышать нечем. А тебе разве нет?

Айла любила дождь – для него, как и для редкого солнечного света, не существовало преград, выстроенных человеческими руками. Оставалось только надеяться, что дождь будет недолгим, не как в прошлый раз, когда он начался в субботу, а закончился только в четверг.

– Ты веришь в то, что она говорит? – задумчиво спросила Айла.

– Ты о ревинтоле? Не знаю. – Кай пожал плечами. – Трудно сказать. Ты же слышала об этом эвдонце, Доминике Каане, из чьей крови изготавливают формулы? Я читал, ему сейчас около полтинника, а выглядит как пацан. Кто знает, может быть, он и правда бессмертный?

– Или просто живучий, как все эвдонцы. Их всегда было трудно убить.

– «Треангул» бы никогда не стал сотрудничать с Сантери, если бы их работа основывалась только на слухах.

– Я бы не позволила вколоть себе ревинтол, неважно, работает он или нет.

– Ты всегда была против «Мэссив Генетик», против всего, что там делают, особенно после того, как они выпустили вакцину от Синей чумы на следующий день после смерти мамы. Дай тебе волю, ты бы присоединилась к этим фанатикам с краской, чтобы оставить от Пирамиды только рожки да ножки.

– И оставила бы, чтобы ты туда не ходил.

Оба замолчали, затаив друг на друга обиду.

Кай, чтобы разбавить давящую тишину салона, прерываемую безразличным шумом города за окном, включил телевизор. Из крошечного отверстия со светодиодной лампочкой вышел небольшой луч и разъехался в стороны, описав в воздухе полупрозрачный экран, на котором появились надоевшие до зубовного скрежета слоганы: «ПИРАМИДА – ЭТО НАДЕЖДА. „ТРЕАНГУЛ“ – ЭТО СИЛА. СТЕНА – ЭТО МИР». Потом надписи исчезли, и на их месте возник напояженный телеведущий, который встревоженно вещал о взрыве в банке, прогремевшем накануне. Говорят, деньги, что хранились в ячейках, взрывной волной разметало по трём ближайшим кварталам.

– Ну да, – вздохнул Кай. – Банк папаши Вольски, я так и думал. Завтра цены опять взлетят до небес. Вот же кровопийцы. У самих денег куры не клюют – миллионы по разным банкам, а потеряли одну сотую часть, так давай драть с людей втридорога. Точно тебе говорю, завтра за буханку будут брать уже пять единиц, а не три, а за молоко не меньше десятки. Будешь увольняться – ты этому Роману дверь в кабинет с ноги выбей и по щекам ему, по щекам! Тебе-то он уже ничего сделать не сможет. Посмотрел бы я, как он завизжит.

– Слышала, этот любитель подтяжек визжал вчера, когда узнал, что кто-то спёр из хранилища целый ящик серебряных карточек. Потом поехал куда-то, – Айла ядовито усмехнулась, – небось, к папочке. К кому ж ещё? Жаловаться на убытки да скрести по сусекам на очередной шёлковый галстук.

Кай брызнул смехом.

– Наверное, он этого Тёмного Илая как только не крыл.

– Думаешь, это он взорвал? – усомнилась Айла.

– А кому ещё это надо? У кого, кроме него, смелости хватит дать Вольски по заднице? Увидеть бы его, правда? Чудит в Гельдерлине уже десять лет, а в лицо его никто не знает.

– Может быть, он просто хочет свободно ходить по улицам, а не строить из себя рок-звезду? Им может оказаться кто угодно, даже тот мужчина в маши...

Внезапно небо полыхнуло ослепительной вспышкой, огромной и мгновенной, как тысяча молний. Айла испуганно замолчала на полуслове.

– Что это?! – ослепший на секунду Кай вцепился в руль и в последний момент успел избежать столкновения с резко затормозившим впереди автомобилем. Взор затянуло синезелёной пеленой.

Последовал оглушительный грохот и резкий толчок. Из-под земли в воздух поднялся огромный столб огня.

– Айла!..

«Мавис» подбросило вверх, он оторвался от асфальта всеми колёсами и рухнул обратно. Его вместе с другими автомобилями повело в сторону на скользкой дороге, Кай резко вывернул руль, но задел боком парапёт. Заскрежетало железо. Последовал сильный удар сзади – в

их бампер врезалась другая машина. Айлу отбросило вперёд, но пояс безопасности дёрнул её обратно, и она ударилась затылком о спинку сиденья. Удары посыпались за ударами – машины, в чьём потоке двигался их автомобиль, заходили ходуном, тараня друг друга, асфальт под колёсами зазмеился трещинами, из которых повалил дым и посыпались искры. Раздался ещё один оглушительный взрыв, и из-под земли вырвалось пламя, поглотившее сразу несколько автомобилей. Часть моста, на которой скопились побитые автомобили, взлетела на воздух, оголив корявые обугленные куски арматуры. Потерявшая опору дорога разлетелась на кирпичи и обрушилась вместе с машинами в воду. Чей-то исцарапанный пикап неистово сигнализировал другим автомобилям и пытался пробиться сквозь толчею авто, в которых, стиснутые, как в железных гробах, сгорали живьём пассажиры. «Мавис», придавленный к пропасти куском моста, накренился над бурлящей под ливнем чёрной водой. Кай схватил Айлу за руку. Их автомобиль истошно визжал сигнализацией, и этот страшный звук смешался с общей какофонией ужаса.

Последовал третий мощный удар, воздух зазвенел пронзительными воплями. Перед глазами всё поплыло, всё перевернулось, ненадёжная опора под колёсами начала осыпаться, плюясь разбитыми камнями. Двадцать метров строго вниз, мгновение невесомости – и мощный удар. «Мавис» врезался в воду. Айлу тряхнуло, но ремень безопасности не дал её голове разбиться о приборную панель. От удара о воду Кая резко дёрнуло в сторону, и он ударился виском о боковое окно, оставив на стекле густое кровавое пятно. Его хватка ослабла, и он выпустил руку сестры. Где-то сверху засвистели тормоза, раздался скрежет – Айла закричала, пытаясь растолкать брата, и почувствовала, как автомобиль, балансируя на поверхности воды, тянет вниз.

– Кай! – Она звала брата, трясла его, начала бить по груди, но он не приходил в себя. Сквозь открытое окно в салон начала хлестать ледяная вода. Рядом тонула машина, за ней ещё одна, и ещё. Люди, застрявшие внутри, звали на помощь и били руками о стёкла. Белый покореженный седан, нависший над пропастью, горел и вонял расплавленной резиной и мясом. Сверху, из раскуроченного полотна моста и дымящихся опор летели искры и падали кирпичи.

Живот свело судорогой. Айла чувствовала, что ещё чуть-чуть, и она потеряет сознание. И если потеряет, это будет конец. Она бросилась к ручке, пытаясь закрыть окно, но её заело. Рывок! Ручка осталась у неё в руке. Айла кинулась к брату. Вода поступала и уже заполнила салон наполовину. Автомобиль наклонился, и Кай по шее оказался в воде. Айла одной рукой придерживала его голову над водой, а другой пыталась расцепить его ремень безопасности. Но замок не поддавался.

– Кай! Кай! – закричала она. – Нет! *Нем!*

Вопль отчаяния вырвался из её груди. Айла вцепилась ногтями в ремень безопасности, но чёрная полоска намертво впечатала обмякшее тело юноши в кресло. Дрожащей рукой она продолжала держать его голову над водой, пока второй пыталась найти в бардачке ножницы. Но в мутной темноте её рука не смогла их нащупать. Она со злостью пнула машину и закричала.

«Мавис» быстро уходил под воду. Времени совсем не оставалось. Кай так и не пришёл в себя.

– Кай! Кай, пожалуйста!

Но его голова уже оказалась под водой, безвольно повиснув набок, и никакие новые попытки растолкать его не помогли. За пару секунд до того, как салон автомобиля полностью затопило, Айла успела вдохнуть. Лёгкие жгло, она нажимала замок своего ремня безопасности, понимая, что ещё секунда, и она уже никогда не окажется на поверхности, но замок упорно отказывался открываться. В её голове загорелась ясная картина – крест на могиле, и паника парализовала её.

«Нет... только не так... только не так, пожалуйста, не так...»

Спасительный воздух выходил из её лёгких большими пузырями, и она закрыла рот и нос одной рукой, пока второй искала выход из цепких лап спасательного ремня. Лёгкие раз-

рывало в мучительном спазме, в глазах запрыгали цветные мушки, хотелось вздохнуть. Вдруг Айла увидела чьи-то грубые руки в джинсовых рукавах, они тянулись к ней снаружи и пытались снять с неё ремень. Они попытались перекинуть его ей через голову, но ремень плотно прижимал тело девушки к сиденью. Дверь автомобиля открылась.

Это был какой-то работяга – строитель или укладчик асфальта в комбинезоне со светоотражающими полосками. Он пытался выдрать заклинивший замок ремня. В глазах Айлы потемнело, лёгкие разрывало на части, она зажмурилась, давая себе ещё одну секунду, ещё одну, помогая рукам безымянного человека спасти себя, ещё чуть-чуть, ну же! Ну!..

И вдруг она вдохнула.

Это было рефлексом, который она всеми силами пыталась подавить, и её лёгкие разорвало внутри обжигающей шокирующей болью.

Айла распахнула глаза и увидела лицо мужчины, который всё ещё пытался её вытащить, и вдруг он замер, оторопело глядя на неё. Он видел, как тело девушки свело судорогой и как она смотрела ему прямо в лицо, запечатлевая на подкорке остекленевшие от ужаса глаза человека, который не смог её спасти.

Повинуясь какому-то инстинкту, он схватил её руку и потащил вверх в бесполезной попытке вытянуть из машины. Она царапалась, брыкалась, в последние мгновения жизни пытаясь вырваться на волю, но ремень крепко держал свою жертву. Мужчина видел, как её рот жадно заглатывал воду и как гасли её огромные глаза.

Потом он почувствовал, как ослабла её рука в его руке и ногти перестали впиваться в его кожу, как она вздрогнула последний раз и перестала двигаться.

Машина медленно продолжила своё погружение и спустя несколько секунд скрылась в темноте чёрного ила, утягивая за собой трёх человек.

Последним, что Айла видела сквозь воду в плевке солнечного света, сквозь чернеющее мутное облако сужающихся зрительных полей, – рассыпанные по водной глади обломки.

Глава 2

Кристине Нуннен Аврора Сантери никогда не нравилась. При всём при том, что лично ей глава «Мэссив Генетик» ничего плохого не сделала, Кристина ясно ощущала этот непреодолимый внутренний протест против своего присутствия в её кабинете и жгучее желание встать и уйти, чтобы более не видеть эту белокурую ведьму.

Она работала в редакции «Ока» без году неделя и никогда прежде не читала журнал, поэтому, когда главный редактор сообщил ей, что вместо её заболевшего коллеги на интервью отправится именно она, Кристина только обречённо откинулась на неудобном стуле в своём душном закутке и удивлённо уставилась на босса. Ну почему именно она?

– Твой же тебе оставлял все документы по интервью? Ты же их читала? Вот и иди.

Сейчас, сидя напротив главы Пирамиды в просторном, ядовито-белоснежном кабинете, молодая журналистка всем нутром ощущала неприязнь к этой женщине, до такой степени навязчивую, что от желания скорее покинуть эти стерильные, словно надраенные с хлоркой стены её начинало тошнить. Но внешне Кристина не позволяла, как ей казалось, ни единой правдивой эмоции отразиться на её лице, мысленно представив их оставленными за порогом тошнотворного кабинета.

Аврора и представительница СМИиМЧС – Средств Массовой Информации и Манипуляций Человеческим Сознанием, как называл «Око» Роман, – сидели почти на самом верхнем этаже Пирамиды, что высилась между Островом Развлечений и Островом Скорби в гавани Гельдерлина, напротив покатога окна с видом на умирающий город.

Учёная невозмутимо и с каким-то даже королевским достоинством сидела в своём кожаном кресле цвета слоновой кости, которое стоило столько, что на эти деньги можно было целый месяц кормить семью из трёх человек. Она спокойно выжидала, пока её гостя из «Ока», чей непрофессионализм бросался в глаза, настроит свой планшет на запись интервью, и неторопливо проворачивала на безымянном пальце кольцо с рубином, которое раньше принадлежало королеве Суаве. Роман приобрёл его на аукционе год назад и подарил ей, но, вопреки досужим слухам, оно не было обручальным.

– Как вы можете объяснить появление случаев феноменальной регенерации (ФГ) среди людей? – наконец совладав с непослушной техникой, спросила Кристина, с любопытством глядя на Аврору. – Ведь раньше науке были известны только различные виды..., – она подсмотрела в шаргалку, – ...простейших, способных восстанавливаться практически из любого повреждённого состояния, теперь же мы говорим об организмах более сложных – о людях. Как это стало возможным, как вы считаете?

Царица белоснежного кабинета учтиво кивнула в знак того, что поняла обращённый к ней вопрос.

– Поправка. Такой случай пока наблюдается всего один, – ответила она, сдержанно улыбаясь. – И пока мы до сих пор затрудняемся дать однозначный ответ на этот вопрос. – Лёгкий голос Авроры, в котором звучала неприкрытая гордость за семейное дело, отразился от гладких белых стен кабинета. Небольшой старенький штатный планшет лежал на коленях Кристины и фиксировал на электронном бланке всё услышанное через приёмник.

– Мой отец, Рудольф Сантери, занимался этим вопросом. Он создал «Мэссив Генетик» по этой причине. Наша компания потратила более десяти лет на изучение феномена биологического бессмертия, но на данный момент ни одна теория на этот счёт, выдвинутая мною или отцом, не была доказана. Собственно, особыми успехами в области синтеза фермента теломеразы, который бы в значительной степени восстанавливал теломеры клеток, мы также не можем похвастаться.

Аврора Сантери, безусловно, обладала приятной внешностью, что не раз отмечали в редакции. Ей было чуть за сорок, но Кристина едва ли когда-то видела более ухоженную особу. Её короткие белокурые волосы были уложены и поблёскивали золотыми искорками на свету, как и золотистая тонкая оправа дорогих компьютерных очков с антибликовыми стеклами. Чёткий овал лица, высокие скулы, хорошие зубы, слишком белые, чтобы быть настоящими, ясные умные глаза – весь её облик давал понять, что голод, царящий за пределами Пирамиды, её не коснулся. Преступную свежесть её внешнему виду придавала и кипенная белизна её докторского халата, украшенного единственной брошью в виде логотипа «Мэссив Генетик». Внешность госпожи Сантери во всех отношениях была привлекательна для мужчин, и Кристина не могла понять, почему, *почему* она ей так не нравилась. Возможно, дело было в том, что в мире этой навязчивой белизны она ощущала себя как в больнице, как в морге, среди стерильного мороза которого царствовала эта холодная белая женщина. Или в том, что рядом с ней Кристина будто подсознательно чувствовала, что делает что-то неправильно. Неправильно сидит, неправильно задаёт вопросы, неправильно обращается с планшетом – глава Пирамиды отчего-то внушала ей это зыбкое чувство неуверенности в себе, редко свойственное людям, работающим в СМИ, и от этого Кристина чувствовала себя ещё более неуютно.

– А как же ТА-66, препарат на основе экстракта пере..., – Кристина подглядела в записи своего начальника, – перепончатого астрагала, который активирует теломеразу? Его применяли в медицинских целях в двадцать первом веке. Разве он не доказал свою эффективность?

– К сожалению, со временем эффективность этого препарата была совершенно справедливо подвергнута сомнению и критике, – ответила Аврора. – Он был по-своему хорош, но ровно в той же степени, как и иные препараты на растительной основе, правда, в тысячу раз дороже. Мой же отец ставил перед собой цель найти более действенный препарат на основе кровеносных телец животного происхождения. Сначала это был *Heterocerphalus glaber* – голый землекоп, мышь, которая из-за мутации в генах *p16*, *SMAD3* и *CYP46A1* от природы не может стареть. Исследования крови этого грызуна начались ещё в прошлом веке, примерно в 2002 году, но привели к выводу, что долголетие этого существа было больше связано с условиями его существования под землёй, чем с особенностью его генома. Вы и сами понимаете, что ради бессмертия человеку сложно будет изменить свой ареал обитания с наземного на подземный, тем более что на эволюцию уйдут тысячи лет. В нашем же столетии уже мой отец нашёл человека, который, возможно, откроет нам тайну бессмертия.

– Признаться, это удивительно. – Кристина после небольшой паузы поставила на столик початую чашку горячего кофе, который после строительства Пояса Отчуждения было практически невозможно достать в обычных магазинах.

– Что именно? – поинтересовалась Аврора. Она не позволяла себе сидеть, закинув ногу на ногу, как её гостя, по крайней мере, на людях, предпочитая использовать эту женскую уловку только в присутствии Романа.

– Что этот человек, скорее всего, никогда не умрёт, – ответила девушка. – Насколько мне известно, его зовут Доминик?

– Доминик Каан, – уточнила Аврора. – Отец назвал его «пациент К-17-34-05».

– Где он сейчас?

Глава Пирамиды посмотрела на часы.

– В данный момент он находится на площадке за Пирамидой, на тренировке, – по её лицу скользнула улыбка, – если, конечно, не устроил себе очередной перекур. Даже мой отец, несмотря на свою легендарную настойчивость, не смог заставить его бросить курить.

– Думаю, человек в его положении может себе позволить не бояться рака лёгких.

– По всей вероятности, – согласилась Аврора.

– Кто он? Я имею в виду, кто он вообще?

– Военный, – ответила Аврора. – Прошёл всю войну, был возвращён с фронта домой в Тис после капитуляции Эвдона. После операции «Огонь небесный» выжил и попал в госпиталь, где и встретил моего отца.

– То есть как Тис? – Кристина быстро заморгала, уставившись на Аврору, забыв, что только что тянулась за чашкой, из-за чего застыла в глупой позе, нависнув над столиком. – Вы хотите сказать, пациент К-17-34-05 воевал на стороне Эвдона?! – Она покраснела и схватила планшет. Как она могла проморгать эту информацию среди заметок своего начальника? Длинные пальцы что-то суетливо набрали на дымчатом голубом экране, на котором через секунду замелькали светящиеся белые строчки. – Тис – это же город на самом юге Эвдона? Так он оттуда?

– А вы не знали?

– Так его люди убили тысячи наших солдат?

– Да, а Нерушимый Генерал выжег миллионы его людей десятком ядерных бомб и стал героем. Жестокость в этом мире – понятие относительное.

Кристина с минуту, поджав губы, что-то вносила в электронную записную книжку, потом отложила планшет и, переведя дыхание, отставила личное отношение к гражданам Эвдона в сторону.

– Как вы думаете, – продолжила она интервью, – почему он такой? Чем объясняется его способность к ФГ?

Госпожа Сантери взяла в руку свою чашку кофе и сделала глоток.

– На данный момент можно сказать лишь, что мы обнаружили у Доминика мутацию в гене HLIS, который активирует фермент теломеразы в клетках всего его организма, в отличие от клеток остальных людей, где этот фермент бесконечно восстанавливает клетки лишь в некоторых органах – например, клетки внутренней стенки кишечника, клетки, образующие сперматозоиды. Раковые клетки также могут похвастаться этим же свойством.

Кристина мысленно улыбнулась завуалированному сравнению эвдонца с раковой опухолью.

Аврора продолжила:

– Как всем известно, клетки любого живого организма постоянно обновляются и восстанавливают свою структуру. – Она поставила свою чашку перед собой. – В молодом возрасте, в зрелом – это происходит постоянно. Даже пока мы с вами пьем кофе, наши клетки постоянно делятся и отмирают, меняя соотношение между собой. Вы совсем юны, и в вашем организме преобладают клетки с длинными теломерами, которые обеспечат им ещё много циклов деления. Я же старше вас, и в моём теле превалирует число клеток, чьи теломеры намного короче и которые всё больше накапливают генетические ошибки. То же произойдёт и с вами, когда вы достигнете моего возраста. Чем старше становится человек, тем больше в его организме становится клеток с ошибками и короткими теломерами. Когда их число достигает критического уровня, человек умирает. У Доминика этого не происходит. Его фермент теломеразы

успевают восстановить теломеры в клетках всех его органов, что даёт его клеткам возможность бесконечного обновления и восстановления с того момента, как у него случилась мутация в гене HL1S.

– То есть теоретически он будет всегда молод?

– И, по всей вероятности, практически. Ему было в районе тридцати, когда, по нашим предположениям, случилась данная мутация, и с тех пор Каан внешне не изменился ни на один день. Это подтверждают и его личные фото из архива моего отца.

– А можно на него взглянуть?

– Боюсь, что это исключено, – учтиво возразила Аврора. – Прошу не обижаться.

– Но менейр Вольски обещал моему редактору один снимок.

– Роман мастер по части обещаний, – Аврора была непреклонна, – но я как глава компании вынуждена вам отказать. Доминик находится в Пирамиде с самого момента её основания, и каждый день каждому работнику «Мэссив Генетик» есть до него дело. Неусыпный интерес и любопытство утомляют, а в его случае ещё и ощутимо злят. Поэтому настоятельно не советую устраивать за ним охоту, если не хотите, чтобы ваша камера оказалась разбитой сразу после того, как будет сделан первый же снимок. С моей стороны это ни в коем случае не угроза, но за Доминика я ручаться не могу – он весьма вспыльчив и к тому же устал от постоянного внимания персонала.

– Понимаю.

На самом деле Кристина уже прикидывала в уме, как проберётся на задний двор ради эксклюзивного снимка и в качестве награды попросит у главного редактора две серебряные карточки. Она кивнула в знак согласия с предостережением Авроры и продолжила:

– Мы в редакции часто обсуждаем вашу работу и то, что она значит для Гёльдерлина, и, признаться, я никогда не могла понять, как такое возможно. Бессмертие всегда окружали легенды, а теперь мы с вами открыто обсуждаем доказательство невозможного. Как вы думаете, – она подалась вперёд, – какова вероятность, что данная мутация гена HL1S может быть обнаружена и у других людей?

На самом деле Кристина покривила душой, назвав то, что начинало твориться в редакции «Ока» при упоминании фамилии Сантери, обсуждением. Её коллеги до хрипа, до драки отстаивали своё мнение по вопросу деятельности «Мэссив Генетик». Кто-то считал эту работу самым важным делом, творящимся в интересах человечества, кто-то – преступлением против этого самого человечества, кто-то пытался найти в этих спорах общий знаменатель, а кто-то тихо сидел на своём месте, подвергая сомнению свои незрелые теории и ища новые факты, чтобы, как кирпичики, складывать их в основание нового мнения.

– Это неизвестно, – ответила Аврора, и Кристина будто уловила в её голосе сожаление не только учёного. – Мы с отцом, когда он был ещё жив, провели ряд исследований генов более пятидесяти тысяч человек и нигде не обнаружили каких-либо предпосылок для мутации в данном гене, – продолжала она. – В процессе обследований Доминика мой отец пришёл к выводу, что механизм его мутации запустила клиническая смерть, которую он пережил, но, если это так, то проверить вероятность данной мутации у других людей представляется возможным только через аналогичную ситуацию, что несколько негуманно, как вы понимаете. Поэтому в данный момент мы работаем с городскими госпиталями, которые предоставляют нам данные о больных, чтобы облегчить нашу работу. Да, это всё равно, что искать иголку в стоге сена, но, кто знает, возможно, нам улыбнётся удача и мы найдём второго Доминика, и тогда у нас появятся данные для более правильных выводов.

– Если честно, я думала, что всё звучит более обнадеживающе, – поджала губы журналистка. – А что думает сам Доминик? Каково ему жить, зная, что он переживёт всё вокруг? Каково это – фактически быть чудом природы?

– Не думаю, что Доминика с его безусловной уникальностью можно назвать чудом природы. То, что он из себя представляет, вполне объясняется логичными научными теориями. Я с определённой долей уверенности могу заявить, что всем известная легенда о бессмертии имеет в своей основе банальное невежество людей, которые до последнего момента понятия не имели о существовании организмов, способных восстанавливать строение всех своих клеток. Если бы, скажем, лет пятьсот назад учёным времён Святой благодати рассказали о существовании на планете животных, способных заново выращивать утерянные части тела или полностью тела, этот смельчак бы очень быстро оказался на костре. Однако сейчас никто не назовёт ересью и не поставит под сомнение факт существования ящериц, способных заново отращивать отброшенные хвосты, морских звёзд или простейших организмов, способных восстанавливать себя полностью из единственной клетки, не так ли? Вы слышали о губках или гидрах?

– Конечно, – кивнула журналистка. – В школе.

– Эти организмы запрограммированы на самовосстановление из отдельных частей в отдельную особь. Вы скажете – это простейшие организмы, а я скажу, что за этим явлением стоят колоссальные по сложности процессы, протекающие на клеточном уровне. Когда дело касается восстановления структур, ничего не может быть просто. Это свойство, заложенное в ДНК. Что же касается случаев феноменальной регенерации тканей тела человека – как считаю лично я, это свойство организмов обусловлено именно мутацией, а мутация лежит в основе эволюции, с которой рука об руку идёт всё живое на планете с начала самой жизни. И то, что мы делаем в лаборатории, – лишь попытка узнать причину и механизм этой мутации гена HL1S.

– То есть, иными словами, Доминик Каан – представитель нового витка эволюции?

– Если это так, то данная теория рано или поздно подтвердится появлением людей с аналогичной ему мутацией.

– А если нет?

– Тогда K-17-34-05 будет единственным из ныне живущих людей, кто доживёт до гибели Солнца. В этом случае у Доминика просто не останется возможности выжить – умирающая звезда сожжёт его тело вместе со всей планетой, уничтожив тем самым его фермент теломеразы вместе с клетками как факт.

– Значит, вы работаете над тем, чтобы составить ему компанию? – попыталась пошутить журналистка, но Аврора даже не улыбнулась.

– Я бы не хотела жить вечно, – призналась она, – хотя мой партнёр Роман иного мнения. Я же считаю, что это слишком тяжёлая ноша. Лично мне больше хотелось бы узнать причину необъяснимой активации теломеразы и то, что нужно сделать, чтобы этот фермент не активировал деление старых клеток, уже накопивших генетические ошибки, что приводит к раку. И, если это представится возможным, попытаться синтезировать сыворотку, которая продлит жизнь клеток умирающего больного. Я не ставлю перед собой задачу жить вечно. Моя задача – сама жизнь.

– Это связано с болезнью вашей дочери?

Вопрос даже для самой Кристины прозвучал бестактно, и она устыдилась.

– И с этим тоже, – Аврора с трудом сдержала порыв плеснуть журналистке кофе в лицо. – У Джойс синдром раннего разрушения клеток, который в народе обычно зовут синдромом Ходячего Мертвеца. Для него характерно достаточно прогрессивное отмирание живой ткани после полового созревания, обусловленное мутацией всё того же гена HL1S, из-за чего приходится прибегать к замене её органов на искусственно выращенные из биосовместимых материалов. Случай один на миллиард.

– Наверное, это очень сложно для матери. . .

– Мы делаем всё возможное, чтобы справиться и с этой проблемой.

– Вы синтезируете сыворотку против синдрома Ходячего Мертвеца в чашке Петри?

– Мы с профессором Сели Аяр работаем над созданием многих лекарств, но этот синдром находится в списке тех заболеваний, лекарство от которых пока не найдено. Поэтому, помимо прочего, мы работаем над биосовместимыми материалами и препаратами, которые уменьшат риск отторжения пересаженных тканей у таких больных.

– И с какими же заболеваниями борется «Мэссив Генетик»?

– Синяя чума прошла мимо вас?

При словах «Синяя чума» журналистка почувствовала, как по её спине скользнул противный холодок. В её голове ещё были свежи воспоминания о горящих дымоходах крематориев на Острове Скорби, которые работали круглые сутки, когда город накрыла эпидемия. Её взгляд обратился к окну. На горизонте, далеко-далеко, виднелась Стена.

– Н-нет, конечно.

– Тогда мне странно слышать этот вопрос.

– Простите, просто он был в списке. Я... Я понимаю, вы тогда проделали огромную работу. – Девушка замялась, подбирая слова. – Скажите, а действительно нужно целых сто лет?

– Наши исследования дали только приблизительную цифру. Но сами подумайте, если во время эпидемии всё население города подверглось заражению, разве может быть иначе? Вы сдавали кровь на выявление вируса в пассивной форме?

– Да, – кивнула Кристина.

– И какой был результат?

– Положительный.

– Как и у всех, кто подвергся поголовной проверке в Гельдерлине. Да, вам повезло не оказаться в числе тех восемнадцати тысяч погибших, но вы стали носителем, чей иммунитет справился с вирусом и поместил его в карантин. Да, вирус не передастся по наследству вашим детям, и, более того, они родятся уже с врождённой невосприимчивостью к нему, но в вашей крови он всё равно останется, и все те, кто вступит с вами в контакт со стороны, например, во время поездки в Богров или Новый Негерд, могут заразиться, что приведёт к новой эпидемии. Поэтому генерал Адлер и принял решение окружить город Стеной сроком на век. Жизнь человека коротка, и этого времени вполне хватит, чтобы умер последний носитель вируса. Да, это жёсткая мера, но у него не было выбора.

Девушка тяжело вздохнула. Ей очень хотелось верить, что Аврора поведаёт ей по секрету, что Стену снесут гораздо быстрее. Она снова полезла в заметки.

– Здесь ещё спрашивают про ревинтол.

– Да, мы работаем над его формулой.

– А что это?

– Ревинтол – это множество вариантов сывороток, которые мы создаём на основе крови Доминика под эгидой «Треангула». В идеале она позволит солдатам быстрее возвращаться в строй после полученных ранений. Да, она не обманывает смерть, но помогает организму быстрее восстановиться. Для испытаний ревинтола мы и набираем добровольцев.

– А почему берут не всех? Почему так много отверженных? Разве вам не всё равно, кому делать укол?

– Потому что ещё мой отец выяснил, что ревинтол по-разному действует на людей. Когда он только начал изучать кровь менейра Каана, у первых добровольцев была почти стопроцентная анафилактическая реакция, и лишь у отдельных людей её не наблюдалось. Он изучил их данные и понял, что всё дело было в ДНК.

– Они все дальние родственники?

Аврору позабавила эта наивная догадка.

– Не совсем. Я бы сравнила это с аллергией. У многих есть аллергия на арахис, мёд или клубнику. А у кого-то её нет. Ревинтол – это и есть арахис, мёд или клубника, поэтому мы предпочитаем вводить его только тем, у кого не будет на него нежелательной реакции,

и параллельно работаем над тем, чтобы создать универсальную формулу, которая подойдёт любому.

– Солдату «Треангула»?

– Разумеется.

– Жаль, а я уже подумала, что через пару лет смогу найти ревинтол в обычной аптеке между полками с обезболивающими и витаминами.

– Боюсь, это нереально. Во-первых, потому что изучение сыворотки ещё слишком далеко от завершения. А, во-вторых, её создадут для солдат и поставки по завершении работы будут осуществляться только в «Треангул»

Кристина невольно вжалась спиной в кресло.

– Как я уже сказала, ньети Нуннен, ревинтол не вылечит рак, но поможет пулевому ранению затянуться за пару часов, что намного важнее солдату, чем секретарю или менеджеру по продажам.

Кристина сразу подумала про травматологические отделения больниц, но промолчала.

– А если человек, которому был введён ревинтол, передумает и захочет покинуть «Мэс-сив Генетик», что тогда?

– Это исключено. Все добровольцы подписывают договор, по которому они обязаны находиться под постоянным наблюдением врачей или кураторов. Мы всегда озвучиваем это условие, поэтому все наши добровольцы знают, что назад пути нет.

По окончании интервью Кристина пожала руку Авроре, свернула полупрозрачный экран планшета, собрала вещи и вышла за дверь, где её уже ждал огромный охранник, призванный сопроводить журналистку до выхода из Пирамиды, – что тот и сделал, исключив любую возможность прокрасться на задний двор ради пары заветных снимков эвдонского капрала.

Уже выходя за пределы парковки, по направлению к шлагбауму, Кристина остановилась, с печалью оглянувшись на нависающую над её головой стеклянную пирамиду. Ах, если бы только удалось проскользнуть мимо охраны и оказаться на заднем дворе! Она бы быстро узнала эвдонца, они же все на одно лицо, будто их с начала времён выводили как племенных лошадей: высокие, рыжеволосые, голубоглазые, с широкими плечами, крепкие – их видно в толпе, как белых ворон. Всего бы один снимок...

– Чего вздыхаешь? – высунулся из кабины криво припаркованного на бордюре броневика какой-то чернявый мужчина, который до этого ковырялся в бардачке. То ли кантамбриец, то ли цыган, поди разбери этих полукровок.

– Госпожа Сантери запретила мне сделать снимок Доминика Каана, хотя Роман Вольски обещал, – посетовала Кристина.

– Этот наобещает, – почти с насмешкой заметил незнакомец, сунув за ухо незажжённую сигарету. – Так ты, значит, была у Авроры?

– Да.

– И как она тебе?

– Мне она показалась милой, умной, интересной, – соврала Кристина, как если бы хотела оставить о себе хорошее впечатление.

– Аврора Сантери – самая мерзкая гадина, которую я когда-либо видел, – перебил её чернявый и улыбнулся сквозь густую щетину.

– Да? – удивилась журналистка.

– Была бы моя воля, я бы её задушил.

– Вы, должно быть, шутите?

– Нисколько.

– А вы кто? – спросила мужчину ньети Нуннен, рассматривая его узкое, смуглое, покрытое россыпью мелких белых шрамов лицо, будто когда-то его обладатель упал на битое стекло.

– Работаю здесь. А что?

– А вы можете мне помочь? – с надеждой спросила журналистка и сделала неуверенный шаг к сотруднику «Мэссив Генетик». – Вы можете провести меня на задний двор? Мне нужна всего пара снимков...

– Чтобы Аврора меня уволила? Вот уж чего не надо.

– Ну, пожалуйста, – взмолилась девушка, – я могу заплатить.

– Мне и тут неплохо платят. – Мужчина деловито зажёл сигарету и, затянувшись, вынул её изо рта, держа по-кабацки, огоньком в ладонь. – Но могу взять натурой. – Он кивком позвал её к себе в кабину.

Девушка оскорблённо отступила.

Мужчина брызнул смехом.

– Да расслабься ты, – сказал он. – Ничего мне от тебя не надо.

– Тогда, может быть, вы просто покажете мне дорогу без охраны, куда идти, и я сама доберусь? – спросила девушка, ища подвох в смуглом, как у цыган, лице.

– А это с удовольствием, – сказал мужчина и, не утруждая себя сползанием из кабины, ткнул сигаретой в сторону шлагбаума. – Всего наилучшего...

Не успел он договорить, как в стороне моста раздался оглушительный грохот и в воздух поднялся огненный вихрь.

Ударной волной Кристину впечатало в броневик, хрустнули кости, она зажмурилась и закричала, а когда открыла глаза, обнаружила себя на асфальте. Вдалеке гудели автомобильные сирены, доносились вопли. Воздух заволокло дымом, воняло гарью. Незнакомец лежал на ней, закрывая её своим телом.

– Жива? – прокричал он, не обращая внимания на глубокую рану на своей голове.

Кристина молча смотрела, как из его рассечённого лба капает кровь.

– Жива, спрашиваю?

Рядом с её головой лежала какая-то острая железяка. Если бы этот чернявый не закрыл её собой, эта штука сейчас торчала бы из шеи Кристины.

Кристина опустила глаза и увидела на шее мужчины татуировку «К-17-34-05».

Глава 3

Новость о взрыве моста разнеслась по городу со скоростью, с которой когда-то люди узнали об обрушении участка Пояса Отчуждения, когда буквально весь город встал на уши, а «Треангул» поднял среди ночи все взводы, чтобы огородить дыру, пока её заделывали строители.

Прошел только час, а уже по всем каналам обсуждали новый взрыв. Камеры наружного наблюдения показали, что опоры моста между материковой частью города и Рингом были взорваны в момент, когда на нём скопилось самое большое количество машин – в самый час пик. На основании сделанной съёмки специалисты криминального отдела ГБР, Гельдерлинского Бюро Расследований, пришли к выводу, что опоры никто не обстреливал – они были взорваны зарядами, которые установили заранее, почти у полотна, что всего за несколько секунд превратило в раскуроченные камни больше ста метров моста.

«Тёмный Илай, – в ту же минуту зашептали по углам. – Тёмный Илай снова атакует Пирамиду». Главным доказательством вины безликого террориста послужил якобы найденный среди обломков кирпич с рисунком стрекозы. Во взорванном банке тоже нашли эту метку, и на месте взрыва склада заготовок для карточек прошлой весной – тоже. Впрочем, это не сняло другого вопроса: почему системы слежения за мостом не засняли момент установки бомб? Ответ обнаружился очень скоро – системы какое-то время были отключены, и это привело к мгновенным увольнениям среди военных, которые следили за мостом, и уголовным делам по факту измены.

Газеты пестрели громкими заголовками: «Атака на Ринг», «Стрекозы и кровь», «Десятки убитых». Мозолили глаз злые карикатуры, на которых огромная стрекоза перекусывала мост Ринга, тиражировались фотографии утопленников и раскуроченных автомобилей. Нагнеталась паника. Полиция и врачи, спасавшие раненых, неохотно давали интервью, спасшиеся делились подробностями того, что с ними произошло.

– Сначала была яркая вспышка, потом я услышал громкий взрыв где-то внизу, – говорил один перемазанный в иле рабочий, которого только что вытащили из воды. – Мы заделывали дыру в асфальте, как раз над опорой. В разные стороны полетели камни, а потом был ещё взрыв, и часть моста обвалилась. Мои парни упали, а я зацепился за кусок арматуры и повис над водой. Сверху падали машины, люди кричали, всюду был дым. Потом я упал. Там была машина, внутри девушка. Я к ней, но её ремень безопасности заклинило, я не смог его открыть. Дёргал, пытался порвать. Когда ремень открылся и мы всплыли, она уже не дышала.

Спасатели вытаскивали погибших из воды до самого вечера и отвозили на опознание в ближайшую больницу. Разбитые машины отправляли в ангар. Даже спустя сутки всюду в поисках добычи сновали репортёры, а полицейские гнали их прочь. Один раз дело даже дошло до драки.

Сорок один погибший, пятнадцать находились в тяжёлом состоянии, сто миллионов ущерба – такова была статистика этого взрыва.

Для жертв атаки в Центральном госпитале выделили часть этажа в западном крыле. Совсем недавно там объявили чрезвычайное положение, но теперь всё стихло. С теми, кто мог говорить, в попытках узнать подробности общалась полиция и работники ГБР, коридоры морга полнились скорбящими родственниками, палаты выживших – рыдающими семьями. Кроме одной.

Вместо отцов, матерей, сестёр, братьев и детей, отчаянно молившихся о родных, её наполняли врачи, которые под строгим надзором окруживших палату военных делали свою работу.

На койке в окружении капельниц и аппаратов, отслеживающих сбивчивый ритм поверхностного дыхания и почти неуловимое сердцебиение, лежала одна из жертв. Едва вернувшись из небытия, она пыталась отбиться от рук докторов, и им пришлось привязать её к койке, чтобы вколоть успокоительное.

Она не понимала ни то, где она находится, ни что происходит, но улавливала в окружающем её сумбуре голосов тревогу.

– Позвоните им! Быстро!

– Где номер?

– В регистратуре. Ну же, звоните!

Её накрыла темнота. Холодная и липкая, наполняющая её тело, каждый сосуд, каждую вену, будто свинцом.

– ... Она выживет, и вы примете для этого *все* меры, – будто издали донёсся до её сознания мужской голос.

Холодная сухая рука гладила её по голове.

Выжившая с трудом подняла веки, но ничего не увидела, кроме размытого тёмного пятна на фоне серого потолка. Пахло сигаретами и гелем для бритья. Грубый резкий голос погрозил кому-то невидимому:

– ... Под вашу личную ответственность.

В районе запястья огнём горела точка, будто через неё в вену вливали кипяток. Девушка застонала и шевельнулась на койке.

– Это чудо! Это просто чудо! – восклицал перевозбуждённый молодой интерн, который впервые в жизни увидел действие ревинтола.

– Мы с ними связались, – тихо произнёс более спокойный врач с глубокими морщинами на лбу. – Госпоже Сантери сообщили, что образец «Ундина» использован.

Пострадавшая попыталась что-то сказать, но из её рта донеслось только сдавленное сипение.

– Нет-нет, – врач остановил её попытку заговорить. Подоспевшая медсестра сделала ещё один укол. – У вас во рту находится трубка. – И положил ей на плечо жилистую холодную руку. – Вы не можете сейчас говорить. Вам нужно отдохнуть.

Тяжёлые веки слиплись, и она провалилась в сон, не наполненный никакими образами, кроме белого шума, напоминающего шум реки под дождём.

Она очнулась резко, как от толчка. Трубок у лица уже не было, но из её руки всё ещё торчала иголка, через которую в вену поступала какая-то прозрачная жидкость из капельницы.

Тело болело так, будто были переломаны все кости.

Айла огляделась. В палате никого не было, но сквозь окно в коридор она заметила дежурившего у её двери военного. Он деловито читал свежую хронику и бросал безразличные взгляды на любого, кто смел пройти мимо охраняемой им вотчины.

В палату, сквозь чистенькие жалюзи большого трёхстворчатого окна, пробивался приглушённый небесной дымкой солнечный свет и слабо отражался от белоснежного больничного

белья. В нос бил едкий запах лекарств, спирта и хлорки. Айла повернула голову и поморщилась от хруста затёкших шейных позвонков. Она закусила губу, борясь с накотившей тошнотой. Соседние койки оказались застелены и пусты. Странно, что после взрыва в больнице оставались свободные места. Или она пробыла без сознания так долго, что всех её соседей уже успели выписать? Где её брат? Мысль о Кае заставила её мгновенно проснуться.

По коридору устало брёл врач, которого она раньше уже видела среди прочих – он светил ей в глаза ярким фонариком, почти ослепив, когда она пришла в себя в первый раз, и он же потом громко кричал на интерна, который уронил какой-то шприц. Врач заметил, что она очнулась, и что-то сказал охраннику, после чего тот бросил на пациентку быстрый взгляд, что-то промямлил и достал телефон. Врач на ходу ему что-то ответил и отворил дверь в палату.

– Вы проснулись? – спросил он с порога. – Как вы себя чувствуете? – Его голос был весел и фальшив, будто его обладатель хотел скрыть, что дела совсем не хороши. Он бросил дверь, и та медленно закрылась с помощью доводчика.

– Где Кай? – Айла не узнала собственного голоса – повреждённые трубкой связки издали низкий чужеродный хрип.

– Кто? – Доктор подошёл к койке и проверил капельницу. Жидкости внутри оставалось чуть больше половины.

– Мой брат.

– Вы поступили одна. – Он провёл пальцем вдоль ломаной линии на экране кардиографа. – Но я проверю списки.

– Мост взорвался. – Айле было больно говорить и до смерти хотелось пить. – Мы были в машине.

Она обнаружила, что кто-то заплёл её испачканные в иле волосы в толстую косу и уложил на плечо.

– О, это наша новенькая медсестра, – ответил на безмолвный вопрос в глазах пациентки врач, делая какие-то пометки в медицинской карте, которую снял с крючка у изголовья кровати.

Из её груди вырвался хриплый кашель. Врач протянул ей стакан воды, стоявший на тумбочке.

– Выпейте, это чистая вода.

Айла приподнялась на подушке и сделала пару глотков. Действительно чистая. Вода отдавала какой-то студёной свежестью. «Покупают, – подумала она. – Точно покупают на баржах». Им с братом никогда не удавалось очистить дождевую воду до такой же степени мягкости и вкуса, даже пропустив её через фильтры с десятков раз.

Айла предприняла попытку подняться.

– Нет, не вставайте, – остановил её врач. – Вы ещё слишком слабы.

– Я должна его найти.

– Лягте. – Он с силой вернул Айлу на место.

Она послушно легла.

Врач измерил пульс пациентки, послушал сердце и, убедившись, что её зрачки реагируют на свет в рамках допустимой нормы, произнёс:

– К вам сейчас посетитель.

– Кто? – Девушка провела языком по растрескавшимся губам. Во рту стоял тошнотворный привкус тины. Его отдающий сыростью и гнильцой запах пробирался в нос горьковатой вонью. Голова раскалывалась, боль горячими толчками пульсировала в сосудах и висках.

– Сейчас узнаете.

С этими словами он бесшумно выскользнул из палаты, а на пороге появился человек, которого Айла меньше всего хотела видеть. Выше среднего роста, тёмно-русые волосы, лицо надменное, глаза злые, сутулый... Роман Вольски-младший, несмотря на дорогую одежду и

золотые часы, всегда производил на Айлу впечатление подлового менеджера среднего звена, который всеми силами рвался занять своё место на вершине пищевой цепочки. В её кабинете все звали его Куцым и смеялись над тем фактом, что знаменитый на весь город Вольски-старший смог разродиться только вот таким вот хилым наследником.

– Добрый день, – произнёс он совершенно не подходящим его внешности густым баритоном, который, несмотря на дежурную любезность, сквозил властью и пренебрежением.

Его узкое, не особенно симпатичное самодовольное лицо со слегка вздёрнутым носом озарила фальшивая улыбка. Светло-голубые, почти прозрачные глаза смотрели на пациентку как на товар в магазине.

– Папа разжаловал вас до должности своего ассистента?

– Спасибо, что избавили меня от необходимости быть любезным. – Роман вошёл в палату, будто вовсе не оскорблённый этим замечанием. – Терпеть не могу общаться с подчинёнными как с ровней.

Он с видом хозяина мира прошёл к койке, бросил на неё своё пальто, как если бы это было пустое кресло, и, садясь на безнадёжно скрипучий больничный стул, поправил на рукаве запонку в виде грифона графов Приграничья, эмблему которого Сытные короли нагло присвоили ещё до войны с Эвдоном.

Вольски, Вольски. В городе днём с огнём было не сыскать более бесстыжего семейства. К счастью, их было всего двое.

Главой семьи был Роман Вольски-старший, прозванный Львиной Лапой, потому что всё, на что он клал свою жилистую руку, уже не представлялось возможным у него отобрать. Будучи ярким представителем торгового сословия Мраморной долины и весьма изворотливым в плане коммерции и налаживания связей, он сколотил настоящее состояние во время войны с Касарией, торгуя оружием и едой с обеими сторонами конфликта, а после победы Антикасарийской коалиции договорился с нужными людьми в министерстве и выстроил нефтяные вышки возле руин Таш-Харана, благодаря чему всего за пять лет стал самым богатым человеком в истории. С алчностью этого амбициозного торговца могла соперничать разве что алчность последних Даимахов, с той лишь разницей, что Вольски никогда не торговал людьми. Роман Вольски-старший был воплощением власти и ума, а ещё он производил впечатление человека, который, несмотря на седину, умрёт не раньше чем в сто двадцать лет, из простого ехидства. Он настолько любил себя, что даже единственного сына назвал в свою же честь, даже не подозревая, что именно наследник послужит долгожданным многими щелчком по носу его раздутого эго.

Он был одержим идеей заработать все деньги мира, и потому, когда состояние его нефтяной компании превысило пятнадцать миллиардов крефов, он захотел заработать ещё. Вовремя услышав новости с рынка, он переформил свою компанию в благотворительный семейный фонд, что, вместе с вложением баснословных сумм в развитие Академии искусств, дало Львиной Лапе приятный бонус в виде права не платить налоги с любой прибыли. Но и этого ему показалось мало. Чтобы придать своей фамилии лоску, он нашёл человека, который доказал в суде, что род Вольски является прямым потомком династии графов Приграничья, что на правах наследников давало им право распоряжаться всеми землями от Эмронских холмов вплоть до гор Частокола вместе с расположенными там городами.

Владение территорией, где располагался Новый Негерд, послужило началом его торговой империи. А торговать Вольски-старший умел, потому что знал, что всё в этом мире имеет свою цену, – а посему, торгуясь за своё место под солнцем, Львиная Лапа не гнушался никакими средствами, чтобы обойти конкурентов, вплоть до поджогов и подлога. Ходили слухи, что, когда вокруг города выросла Стена, именно Вольски-отец начал с помощью баржи ввозить в город продукты из Нового Негерда, что позволило ему накручивать на товары просто-таки драконовские проценты, а то, что в своё время он успел за бесценку скупить все торговые точки

в городе и начал сдавать их в аренду торговцам помельче, и вовсе открывало перед ним дорогу в мир безнаказанного грабежа. Например, если его арендаторы отказывались платить вовремя оговоренную людоедскую цену за помещение и партию продуктов, которые им также поставлял Львиная Лапа, их справедливый арендодатель совершенно случайно устраивал задержку товара и удерживал его до тех пор, пока арендаторы не выплачивали долг, а иногда задерживал партию и впредь, чтобы и на будущее им было неповадно. Огромную долю дохода его империи приносили и продуктовые карты, которыми его же люди торговали как легально, так и через чёрные рынки, а чаще всего перепродавали через его же подставные компании-однодневки, накручивая баснословные проценты на каждую единицу. Со временем Львиная Лапа догадался контролировать и вещевые рынки, а также, путём подкупа и шантажа, запустил пальцы в строительство и в снабжение домов электроэнергией и водой. Контролировал он и подачу тепла в больницы и жилые дома.

Несмотря на то, что Вольски-старший всё же ещё не был собою же коронован, к своей империи он относился как единоличный король, и потому не торопился уступать трон сыну, который неприкрыто облизывался на контрольный пакет акций отцовской компании. По этой причине он и предпочёл отправить своего наследника подальше от заработанного потом и следами уничтоженных конкурентов капитала, править в Министерстве продовольствия, а также сделал его своим поверенным в делах Пирамиды, доверив ему менторство над финансированием перспективных разработок ревинтола.

«Куцый» Вольски был жалкой тенью своего отца, за чьей лощёной внешностью не скрывалось ничего, кроме амбиций и комплексов.

– Я работаю не на вас, а на вашего отца, и. о. генерального директора, – едко заметила Айла. – С каких пор сам Вечный Наследник навещает рядовых регистраторов продовольственных карточек вместо того, чтобы целыми днями взирать на свои владения с вершины Пирамиды?

– Вы слишком дорогая инвестиция, чтобы передавать эту работу туповатым угодливым ассистентам. – Роман пропустил её колкость мимо ушей.

– В каком это смысле «инвестиция»? – не поняла Айла. Ей очень не понравился его тон.

Мужчина тронул на прикроватном столике помятый журнал, на обложке которого под огромным заголовком: «Роман Вольски купил первую аптечную сеть. Что дальше?» был изображён его отец.

– О, читаете журнальчики? Хотите тоже оказаться на обложке?

– Нет, – ответила Айла.

– Вам это и не грозит, с вашей-то внешностью.

– Забавно, вам тоже – судя по тому, что вам уже сорок, а вы всё ещё на побегушках у папочки.

Роман снисходительно хмыкнул.

– Что ж, завершим обмен любезностями. Как я понимаю, очень скоро мы познакомимся с вами поближе, если учесть, что теперь вы стоите два миллиона.

– Два миллиона? – Айла приподняла голову с подушки. – Два миллиона чего?

– Эвдонских скул, – огрызнулся Вольски. – Два миллиона крефов, само собой. Я говорю об общей стоимости образца ревинтола «Ундина», который был введён вам вчера, в два часа пополудни.

– Что?! – Будто неведомая сила ударила Айлу по лицу. Она резко поднялась и вцепилась в стойку капельницы. Голова закружилась. Игла больно шевельнулась под кожей, и девушка выдернула её из запястья, опрокинув на пол стойку с подвешенным за петли прозрачным пакетом.

Вольски с любопытством глядел на наводимую суматоху, подперев голову рукой.

– Вы сейчас суетитесь, в общем-то, зря, – лениво произнёс он. – Это обычный физраствор с магнием и витаминами.

Айла бросила на него взгляд, полный злобы.

– Выведите его!

– Исключено, – подчёркнуто спокойно ответил Роман. – Ревинтол не выводится.

– Какого чёрта мне его ввели? Я этого не просила!

– Зато ваш брат просил.

– Мы только ехали подписывать договор! Нам никто не переводил никакие деньги за сыворотку!

– Неужели?

Роман открыл сверкающий хромированный дипломат.

– В таком случае это, стало быть, не его подпись?

Он протянул Айле несколько бумаг. Договор 783462. Айла пробежала глазами по стандартным строчкам об оплате услуг, которые заканчивались подписью Кая.

– Его, – подтвердила она. – Когда он его подписал?

– Несколько дней назад, и получил оплату, согласно чеку.

«Чёртовы апельсины».

– По этой причине, когда госпожа Сантери узнала, что в больнице после взрыва оказался оплаченный подопытный, она подняла на уши половину города, представляете?

– Позвоните ей!

– Сейчас у неё есть более важные дела, чем ваши истерики.

– Я имею право...

– Сейчас вы имеете право только на то, чтобы слушать. У Авроры Сантери с вашим отцом как с главным инициатором и заказчиком её разработок существовал достаточно долгий взаимовыгодный союз, и если чьё-то мнение в данной ситуации менее всего интересно, так это ваше. Так что настоятельно советую смириться и снизить до благодарности – благодаря ревинтолу ваши лёгкие ещё не похожи на тряпку, хотя я не силён в медицине, так что советую вам заткнуться и наслаждаться статусом нового члена нашей большой дружной семьи.

– Я не хочу быть частью вашей семьи!

– Я тоже не хотел, чтобы вы становились её частью. Вы эту сыворотку даже не заработали, как, к примеру, ваш брат. Просто ваша врождённая переносимость ревинтола и ваш общий с К... К... как его?

– Кай!

– И ваш общий с Каем банковский счёт утёрли нос остальным претендентам на «Ундину». Итак, – деловито продолжил посланник Пирамиды, – немного о том, что вы пропустили. Из воды вас вытащил рабочий, который до взрыва латал дыру в полотне моста, или что он там делал?.. Впрочем, неважно. Сначала врач скорой помощи решил, что вы мертвы, потому что у вас не было пульса, но его младший помощник заметил, что ваши зрачки всё ещё реагируют на свет. Подержи он фонарь у вашего глаза чуть меньше, и вас бы отправили в морг, но кому-то в этот день повезло, пара секунд и внимательность чужого человека спасли вас от вскрытия. Вас пытались реанимировать, но ваше сердце останавливалось, насколько мне известно, дважды. Когда вас привезли в эту палату, люди генерала Бранда уже были тут и наводили ужас на местных врачей, а полковник Скарп чуть не вытряхнул душу из фельдшера, который вас привёз, справляясь о вашем здоровье. Но никто не давал утешительных прогнозов из-за полученных вами травм и времени, что вы провели под водой, и тогда Аврора распорядилась вколоть вам ревинтол. Прошу, не надо мять простыню, она тут ни при чём. После введения сыворотки ваши показатели резко поползли вверх, и вуаля – спустя меньше суток после прогулки к покойному папочке вы можете дышать без трубки. Даже сорняки не могут похвастаться подобной живучестью. Я бы похлопал, но мне не позволит воспитание – это же

не ваша заслуга, а Авроры, Сели Аяр и её лаборантов. Вы же остались живы только благодаря стечению обстоятельств.

– Какой же вы подонок.

– Отец учил соответствовать миру, в котором мы живём.

– А покупать шмотки стоимостью с чей-то дом на фоне всеобщего голода вас тоже папочка научил? – мгновенно ошетинулась Айла.

– Нет, это у меня от мамы.

Новый приступ мигрени заставил её глаза сомкнуться, она сжала голову руками.

– Я хочу увидеть брата, – застонала она. – Где он?

Вопреки ожиданиям Роман не стал ей перечить.

– Я распоряжусь, чтобы вам предоставили списки.

– Какие ещё списки? – Внутри пострадавшей снова проснулась злость. – Где мой брат?

– Я понимаю, что вы чувствуете сейчас, – мой совет вам не нервничать. Ваша нервная система только что пережила сильнейшее потрясение, не нужно рвать её на части ещё раз. Только себе навредите. Не портите мне отчёт.

Айла попыталась возразить, но мужчина властным жестом приказал ей закрыть рот и встал.

– Тихо. – В его голосе прозвучало что-то, что заставило девушку прикусить язык. – Я сказал, что вам дадут список. А пока на этом всё. Успокойтесь.

С секунду Айла оторопело глядела на Вольски, а потом выкинула вперёд руку и схватила его за рукав.

– Да что вы в этом понимаете?! – прошипела она. – Успокоиться? Да вы хотя бы раз были на моём месте?

Вдруг, как из-под земли, между ними возник военный, что дежурил у двери, и остановил её, жёстко усадив обратно на койку. Роман спокойно поправил рукав.

– Нет, не был. И мне ни к чему.

Он набросил на предплечье пальто и вышел в коридор.

У стойки дежурного стояли и что-то обсуждали медсёстры и врач.

– Вы её принимали? – спросил Роман, подойдя к медперсоналу.

– Да. – Врач посмотрел на Романа сквозь очки. – Я попросил вас позвонить. Ревинтол ей помог?

– Без сомнений, – ответил Роман, поправляя узел галстука. – Проследите за ней до отправки в «Мэссив Генетик». Аврора вздёрнет меня на фонарном столбе, если дочь Адлера сбежит.

– Прослежу.

Роман не стал утруждать себя благодарным кивком и направился к выходу, но, вспомнив обещание, обернулся.

– И да, дайте ей список погибших, – он прикинул что-то в уме, – где-то через час. А потом накачайте снотворным.

Томительное ожидание продлилось не больше часа, но каждая секунда для Айлы тянулась так долго, что становилась мучительной. Неведение – один из самых изощрённых видов пытки. Айла прислушивалась к шагам за дверью и все глаза проглядела в коридорное окно, но врачи с бумагами в обнимку шли мимо. Десять минут, двадцать, тридцать... Потом в палату зашёл врач с глубокими морщинами на лбу. Он что-то говорил, но Айла его не слушала и только и смотрела, что на бумагу с именами у него в руках. Она без спросу выхватила листок и пробежала по нему глазами сверху вниз. Айла не сразу поняла, что имя её брата было среди них. Надежда предательски вспыхнула в её сердце, а потом с болью угасла, когда она вчиталась в имена ещё раз. Третья снизу строчка с именем и датой рождения – сухие данные для статистики. Горькие слёзы полились из глаз Айлы, и она не стала сопротивляться новому

уколу успокоительного, который последовал сразу после того, как врач забрал у неё список. Он промямлил что-то про соболезнавания, подкрепил слова дежурным прикосновением к плечу пациентки и остался стоять рядом, пока она под действием ударной дозы лекарства не уснула.

Проснувшись, Айла почувствовала внутри себя тяжёлую пустоту. Так уже было, когда сначала умерла мама, а потом погиб отец, и с каждым разом это оглушающее чувство резонирующего внутри вакуума становилось сильнее. Время ничего не лечило – просто прятало глубже, и теперь чувство утраты прорвалось наружу и ударило в самое больное место. Снова заболело там, где, казалось бы, уже давно остались только шрамы. Будто где-то глубоко внутри с тупой тягучей болью сжалась тугая ржавая пружина. К горлу подкатила тошнота, которая заставила её отказаться от обеда и ужина.

– Она заморит себя голодом, – шептали в коридоре медсестры. – И так уже кожа да кости. Посмотрите. И рвёт её каждые пять минут...

Айла не стала просить пустить её в морг, чтобы в последний раз увидеть брата, – она хотела запомнить его живым, но на опознании настоял один из агентов ГБР, которому нужно было официальное подтверждение личности погибшего. Минуты, пока работник морга неспешно заполнял какие-то бланки и доставал завёрнутое в простыню тело из железной ячейки, показались Айле самыми длинными в её жизни и какими-то нереальными, а момент, когда патологоанатом убрал с тела покрывало, убил в ней желание жить. Даже посиневшая и опухшая от долгого пребывания в воде кожа не смогла сделать неузнаваемым родное лицо. Она отодвинула покрывало и обнажила руку покойника в последней попытке обнаружить, что это какая-то страшная ошибка и перед ней на железном столе лежал кто-то другой, с теми же родимыми пятнами, но уродливый шрам глубокой бороздой рассекал правую ладонь. Это был Кай. Айла не нашла в себе силы что-то сказать, она только кивнула и увидела, как окружающий её мир вдруг потемнел и скользнул куда-то в сторону. Её ноги подкосились, и она упала на кафельный пол.

На следующий день от свежих ссадин и царапин не осталось и следа, такое быстрое заживление казалось странным, но врач пояснил, что для тех, кто находится под действием ревинтола, это нормально. После полудня к ней в палату заглянул полковник Скарп и принёс нектарины с гранатами. Хороший был мужик этот полковник. Плечистый, огромный, как шкаф, и уютный, как любимая подушка. Обнял её, заулыбался – правда, грустно, справился, как она себя чувствует, и всё время избегал разговоров о Кае. Когда зазвонил его телефон, Айла сразу поняла, что на проводе был Бранд. Полковник сразу выпрямился, как струнка, ответил: «Так точно» и извинился, что ему пора уходить.

К вечеру лёгкие Айлы больше не тянуло выкашлять остатки воды, изо рта почти исчез болотный привкус ила, и она смогла затолкать в себя немного больничной еды, голова перестала мучительно болеть, будто никогда не было того взрыва и смерти. И тогда на её пороге снова появился Роман.

Вечный Наследник бесшумно возник в дверном проёме, будто воплотился из воздуха, и скользнул к больничному стулу, снова кинув на ноги Айлы своё пальто. Айла приподняла ногу и скинула его одежду на пол.

– Я не диван.

Роман засмеялся, но поднимать одежду не стал.

Не было такого слова, каким можно было бы выразить ту смесь раздражения и злости, которые ещё вчера безотчётно возникли в груди Айлы при виде этого холёного наглого мужчины, лишённого всякого сочувствия. Отец иногда говорил о Вольски, но это было так давно, что эти воспоминания уже граничили с детскими. Да и не говорил, скорее упоминал. Насколько Айла помнила, у отца Вольски-младший, как и Львиная Лапа, тоже вызывал непроходящее и жгучее, как зуд, желание решить все вопросы с ним чисто по-мужски, а именно съездить ему кулаком по роже, раз и навсегда, и больше не общаться с ним ни при каких обстоятельствах.

Но, скованный обязанностями лидера города, отец душил в себе порыв решить конфликт с наследником Сытного короля при помощи кулаков. А зря. Кай говорил, что с удовольствием бы посмотрел, как лишённый возможности нагадить оппоненту с безопасного расстояния Роман получил бы крепким кулаком прямо в челюсть.

– Что вы хотите? – спокойно спросила Айла, бесстрашно глядя в его холодные глаза с узкими зрачками.

– Вижу, вы всё же успокоились. – Он положил на колени всё тот же хромированный дипломат.

– Давайте без лживых соболезнаваний. Я всё равно им не поверю. Зачем вы тут?

– И гонору поубавилось. Спасибо, что бережёте моё время. Я это ценю, – ответил Роман, учтиво положив руку на грудь. – Сам не люблю эти расшаркивания. Я хотел, чтобы вы подписали кое-какие бумаги. Это нужно для порядка в администрации «Мэссив Генетик».

Он раскрыл дипломат и вынул оттуда небольшую пачку бумаг в папке.

– В Пирамиде всё ещё пользуются бумагой? – без эмоций заметила Айла.

– А почему нет? – Вольски пролистал папку. – Как показала практика, сколько бы ни развивались современные технологии, человек всё равно продолжает работать с бумагой, пусть даже из вторичного сырья. Помнится, в двадцатом веке даже придумали название этому явлению. К тому же нужно поддерживать нашу бумажную промышленность и обеспечивать людей рабочими местами.

– Ваш бумажный завод?

– Мой бумажный завод, – кивнул Роман.

– Что это? – Айла взяла протянутую папку.

– Ваш договор с Пирамидой, – пояснил Роман. – И согласие на участие в эксперименте по разработке сыворотки ревинтола. Подпишите – и станете частью нашей команды. Формальность для нашей статистики.

Айла без интереса пробежала глазами по мелкому шрифту.

– Брату не вкололи сыворотку, потому что к моменту, как нас вытащили из воды, он был уже мёртв?

– Патологоанатом сказал, что он умер мгновенно, от кровоизлияния в мозг от удара о стекло. Ревинтол, безусловно, одно из величайших открытий, но он не может оживлять мертвецов.

Его слова звучали настолько небрежно по отношению к мальчику, что Айла едва не закричала.

– А что будет, если я это не подпишу?

– Тогда вашу подпись поставлю я, – мгновенно ответил Вольски. – И тогда вас выпишут, и вы направитесь в Пирамиду для теста крови. Не надо на меня так смотреть – название придумывал не я.

– Что это за тест?

– Он покажет, как ваше тело реагирует на сыворотку в результате стресса. Это важный показатель для экспериментов. Не пугайтесь, на самом деле в этом нет ничего страшного. Чуть напугают, уколут пальчик, и всё.

– И я должна вам поверить?

– А мне всё равно.

Роман достал пачку сигарет и закурил, щёлкнув позолоченной зажигалкой с гравировкой в виде логотипа пирамиды.

– Здесь нельзя курить, – покосилась на него Айла, но её слова не возымели никакого действия. Роман кивнул и затянулся.

– Отец платит этой больнице столько, что здесь стерпят любую мою прихоть, лишь бы получить ещё. Иначе откуда здесь могли взяться новые аппараты, к которым, кстати, подклю-

чен и вы, и препараты в кладовке, которые гораздо эффективнее старых запасов, мм? Я могу заглушить эту сигарету о лоб главного врача, и он пожмёт мне руку, приглашая посетить его больницу снова.

Он с улыбкой отвёл сигарету в сторону, готовый к овациям.

– Значит, – помедлила Айла, – тест. А дальше?

– Дальше вас определяют в казарму – мы так её зовём, где вы будете жить с другими добровольцами, хорошо есть – золотые карты на еду, сами понимаете, – спать на хороших кроватях и выполнять все приказы вашего куратора.

– Этого эвдонского лесоруба?

– Только не додумайтесь сказать это Доминику в лицо. Привяжет вас за ноги к заднему бамперу своего броневика и пустит вокруг Пирамиды. Вообще он сдержанный, но если начнёт метать молнии, то уж поверьте, лучше найти ямку поглубже, особенно если кто-то поймёт неосторожность напомнить ему, что он из касты дааримов. Он и на Эвдоне-то стоил три схулы, когда даже за буханку хлеба там давали не меньше пяти, а уж жизнь на вражеской территории после капитуляции острова уж точно не сделала его снисходительнее к оскорблениям. – Вольски небрежно махнул рукой. – Это вам моя подсказка. Дарю бесплатно. Так вы будете подписывать договор или нет?

Айла не торопилась взять ручку.

– Знаете, – Вольски вдруг подался вперёд и пытливо, даже с издёвкой посмотрел на неё, – а я ведь навёл о вас справки. Поразительно, насколько в этом городе всё покупается и продаётся. Вот и вы имеете свою цену. Две тысячи крефов и одна золотая карточка с правом пролонгации.

– И чем обязана вашему интересу?

– Вы путаете интерес и любопытство. Хотел узнать побольше о дочери легендарного генерала, который последним приказом запер весь город на ключ. Оказывается, не так давно вы стояли на учёте в полиции, а удалить вашу карточку распорядился не кто иной, а сам генерал Бранд.

Кровь отхлынула от лица девушки.

– Удивительная история. Сектор 7, патруль, беглец. Знатно вы тогда отделали того солдата – трое вас с трудом от него отогнали. Вам за это светило пять лет колонии, а вы отделались парой ссадин и лёгким испугом. – Вечный Наследник отряхнул серые пылинки пепла на пол.

Айла впиалась глазами в выбритое до блеска лицо мужчины, готовая ударить по нему, лишь бы он замолчал.

– А вот ещё случай. Несколько лет назад вы оказались на территории Пустоши, на километровом рубеже до Стены и попали под перекрёстный обстрел башен «Эдгар» и «Ройс». Вывел вас оттуда человек «Мэссив Генетик» и получил вашу пулю. Вам грозило до десяти лет, но вы опять вышли сухой из воды. Уж не снова ли стараниями нашего Щегла?

– Сухой из воды? Вы мало заплатили. Иначе бы вам рассказали, как я была наказана генералом.

– А я знаю. Он запер вас на чердаке на неделю и приставил охрану. Брата к вам не пускал. Поразительная жестокость по сравнению с решёткой и тюремной баландой.

– Тогда вы знаете, что со мной сделали эти солдаты?

– Знаю. Как и знаю, что один после этого оказался в гробу, когда ваш братец разбил окно на крыше, прыгнул внутрь и пырнул бедолагу осколком стекла.

– Он получил то, что заслужил.

– А вот ваш брат – нет. Просто удовлетворите моё любопытство – с чего Щегол так о вас заботится, мм?

– Заплатите своему осведомителю. Он знает больше меня.

– И в знак благодарности вы разбили битой лобовое стекло его автомобиля! Признаюсь, не хотел бы я когда-нибудь сделать для вас благое дело. Хотя знаете что, Айла? Чихал я на это. А вот на что я не чихал, так это на труп солдата «Треангула», который генералу пришлось замести под ковёр, чтобы прикрыть задницу вашего брата.

– Хотите шантажировать Бранда?

– «Шантаж» слишком грубое слово. Метод давления.

– Генерал Бранд – человек, который выжил после встречи со «Зверёнышами Кайны», который держит в железном кулаке весь город, чьи люди по малейшему его зову сотрут в порошок любого, на кого он укажет, и который сам причастен к сокрытию убийств. И вы считаете, что сможете надавить на этого человека, чтобы порадовать папу хоть таким достижением? Удачи.

По лицу Романа расплзлась кислая ухмылка.

– Подпишите договор, делайте в Пирамиде, что скажут, и мы мирно разойдёмся, а мои достижения оставьте мне, – прошипел он сквозь зубы. – Давай начистоту, – Роман как-то внезапно перешёл на «ты» и, наклонившись, внимательно посмотрел девушке в глаза, – мне плевать лично на тебя, твоего брата и на то, что эти трое в погонах творили с тобой на чердаке за спиной генерала, но у тебя в крови находятся деньги. Мои деньги, которые я трачу на тебя и тебе подобных каждый божий день в надежде получить гораздо больше при помощи Авроры. Каждым своим вдохом ты обязана моим деньгам. Мне глубоко наплевать на твоё отношение ко мне и тем более наплевать на ваши взаимоотношения с Брандом – у тебя в крови мои деньги, и будь уверена, я выдавлю из тебя каждый долбаный креф, даже если для этого мне придётся отдать тебя и генерала на съедение акулам из газет и прокурорам из Верховного суда. Так что кончай строить из себя всезнайку, подписывай документ и отправляйся в «Мэссив Генетик». Потому что, если ты этого не сделаешь, это сделаю я, и ты всё равно там окажешься, и тогда я превращу твою жизнь в чёртовой Пирамиде в ад. Спросишь, зачем мне это нужно? Потому что я могу. Подписывай.

– Сколько же в вас дерьма?

– Гораздо больше, чем ты думаешь.

Ей пришлось собрать в кулак всё самообладание, чтобы рука не дрожала, когда она ставила подпись в нижней графе напротив своей фамилии, но едва поставив последний росчерк, повинувшись знакомому тёмному наитию, вместо того, чтобы просто отдать документы Роману, она бросила, откинула их на пол, рядом с кучкой оставленного им пепла.

Вечный Наследник молча посмотрел на эту красноречивую картину, затушил окурок об угол прикроватной тумбочки и, оставив на ней поломанный бычок, вышел из палаты.

– Какая дура, – пробурчал он, подойдя к лифту, и нажал кнопку вызова.

Глава 4

Размокшие водительские права, ключи зажигания, чётки из гранёного аметиста, которые Кай вешал на зеркало заднего вида, почти уничтоженная водой квитанция об уплате штрафа за неправильную парковку, платок, губка для чистки обуви и ножницы, которые Айла не смогла нащупать в бардачке, – вот и всё, что осталось ей на память о брате.

Чёрный отполированный минивэн с логотипом «Мэссив Генетик» прибыл за Айлой ровно в шесть вечера на следующий день. Одежда, в которой она тонула, была почищена услугами прачечной за углом. Кто её оплатил, догадаться было нетрудно – когда за Айлой пришли, её лечащий врач, поднявший с пола злосчастные документы, сказал, что с этого дня Пирамида берёт на себя все расходы, связанные с девушкой.

Двое молчаливых охранников с одинаковыми квадратными подбородками провели ньети Адлер по пропахшим хлоркой и медикаментами коридорам от палаты до выхода. Девушка, идя между ними, чувствовала себя заключённой, особенно, когда они взяли её под руки и весьма грубо запихнули в лифт.

– Я не собираюсь сбегать, – огрызнулась она.

– Менеёр Вольски предупредил, что вы так и скажете, – ответил один из мужчин, всё так же держа её за плечо.

– Да ладно тебе, – ткнул его локтем второй, – у неё запястья как спички. Куда ей с нами тягаться? – Но его не послушали.

Когда они вышли на улицу, на них буквально навалилась толпа журналистов, преградив подступы к автомобилю.

«Вы приняли сыворотку, потому что боялись умереть как генерал Адлер?», «Ньети Адлер, получили ли вы деньги за ревинтол?», «Вы решили принять ревинтол в память о погибшем брате?» – трещали вокруг сквозящие жаждой наживы вопросы. Микрофоны бесстыже лезли Айле прямо в лицо. «Скажите, вы будете выступать на передовой в случае войны, как дочь Нерушимого Генерала?..» Один из журналистов даже умудрился схватить Айлу за волосы и дёрнуть на себя, будто ожидая, что после этого она обернётся и поспешит дать ему интервью с той любезностью, на которую он рассчитывал.

Айла резко повернулась и со всей силы ударила настырного журналиста в нос. Тот схватился за лицо и начал вопить, что подаст на Пирамиду в суд. Охранник поспешил оттащить Айлу в сторону и вместе с подоспевшей подмогой начал грубо двигать локтями, проталкиваясь вперёд, к автомобилю. Сама девушка, сгорбившись и щурясь от ярких вспышек фотокамер, послушно следовала за ними, стараясь закрыть лицо руками, пока не почувствовала облегчение, оказавшись в салоне автомобиля, скрытом от посторонних глаз тонированными стеклами.

– Что им от меня нужно? – воскликнула Айла, пытаясь собрать в пучок растрёпанные волосы.

– Акулы, – водитель будто указал ей на очевидное. – Сразу узнали, что вы тут, дежурили два дня. Не каждый день дочери Нерушимого Генерала принимают ревинтол.

Они ехали медленно, потому что дорога всё ещё не высохла после прошедшего недавно дождя. Скользкий асфальт блестел от воды и не давал возможности для разгона. Для экономии электроэнергии администрация распорядилась отключить все фонари и любую световую иллюминацию в городе, в том числе и светофоры, поэтому в наступающих сумерках улицы казались одинаково унылыми и серыми. Движение на перекрёстках регулировала дорожная служба, выставившая своих людей на каждом пересечении улиц, а чтобы автомобилистам было проще ориентироваться в вечернее время, углы всех домов были выкрашены светоотражающей белой краской.

Когда минивэн завернул за очередной угол, осветив стену жилого здания, на котором красовалась почти стёртая стрекоза Тёмного Илая, они оказались на широкой дороге. Вдруг где-то совсем рядом бешеным, оглушающим раскатом загудела сирена, предупреждающая об авиаударе. Айла бросилась к окну и с тревогой уставилась на небо. Над крышами домов, так низко, что почти задевали шасси дымоходные трубы и антенны, стройным рядом пронеслись три военных вертолётa. Сердце Айлы замерло от испуга.

– Это учебная тревога, – успокоил её один из конвоиров. – Сегодня в «Новостях» предупредили, что «Треангул» будет тестировать новую установку. А эти, – он ткнул пальцем вдогонку улетающим вертолётам, – после взрыва на мосту уже второй день патрулируют город. Не пугайтесь.

Айла попросила охранников заехать домой, чтобы забрать кое-какие вещи, которые могли понадобиться ей в Пирамиде. Сначала тот, что вёл машину, строго отказал ей, но позже поддался уговорам более жалостливого коллеги и изменил маршрут, попутно предупредив об этом незнакомый женский голос по радию.

Айла с братом жила в районе частных домов Сектора 15, в нескольких километрах от южной части Пояса Отчуждения. Их дом был небольшим и растерявшим всякий уют и находился в окружении небольшого огорода, который теперь, и к бабке не ходи, достанется соседям или воронам.

Охраны больше не было. По всей вероятности, Бранд распорядился её снять, узнав об аварии. Входную дверь оскверняли новые ругательства, которые перекрывали друг друга, как заплатки, а поверх них неизвестная рука начертила белую стрекозу.

Не обращая внимания на это клеймо, Айла открыла дверь и вошла в гостиную. Внутри всё оставалось точно так же, как было, когда они с братом отправились в свою последнюю поездку. На диване у журнального столика валялись любимые джинсы Кая. Он опрокинул на них чай и очень разозлился, потому что не успевал их постирать и высушить. В пепельнице отца лежали очистки от семечек, а в раковине в смежной кухне громоздилась гора из тарелок и чашек, в которых досыхали жёлтые остатки дешёвого чая и воняли чёрные комья пригоревшего завтрака. Всё вокруг дышало недосказанностью – жизнь в этом доме прервалась на полуслове.

Айла поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж и направилась в свою комнату. Стоя перед аккуратно застеленной кроватью, она осмотрелась. Все окружающие предметы: книги, светильники, фотографии родителей на прикроватном столике, – казались помещёнными под стекло, как в музее, и более не имели никакого отношения к её жизни.

В комнате Кая, в отличие от её комнаты, царил настоящий бардак. Она взяла из его шкафа засунутую туда впопыхах синюю футболку, в которой брат обычно спал, и легла на кровать. Раньше Кай всегда включал музыку, теперь же звенящая тишина помещений была по ушам.

«Его больше нет, – эти слова звучали как пугающая неправда. – Никого больше нет». Будто чужие белые стены спальни смотрели на неё холодно и отстранённо, как на чужую. Мамы больше нет, отца больше нет, и брата больше нет, нет даже слёз, чтобы их ещё раз оплакать.

– И это всё? – удивился охранник, когда Айла вернулась из дома с крошечным кулком.

– Там больше ничего нет для меня.

На память о доме она оставила себе только чётки брата, его футболку и фотографию, которая была сделана за месяц до взрыва. На ней Кай целовал сестру в щёку и улыбался.

Глава 5

Айла села в автомобиль и, глубоко вздохнув, нажала на красную кнопку под монитором, вмонтированным в спинку переднего сиденья, что должна была сделать, по просьбе охранников, ещё при выезде из больницы.

– Добрый день, молодой человек, менейр или юная ньети, – заулыбалась с экрана незнакомая девушка с кожей цвета кофе со сливками. – Наши работники сопроводят вас к дверям корпорации «Мэссив Генетик».

«Мне бы такую мордашку», – с завистью подумала Айла.

– Дорога займёт менее часа. В салоне автомобиля вы найдете всё, что вам может понадобиться в пути. Если вам нужна вода, нажмите синюю кнопку под экраном. Если нужна свежая газета – нажмите зелёную кнопку рядом. Никакого алкоголя и сигарет – в «Мэссив Генетик» это главное правило. В кармане соседнего кресла имеется небольшой ознакомительный проспект, где вы найдёте краткую информацию о нашей работе. После знакомства с госпожой Сантери первые два дня вы проведёте в отдельном жилом боксе, где пройдёт ваша адаптация. Там вас обследуют наши специалисты, после чего вы будете направлены на небольшую вводную экскурсию по Пирамиде. Приятной поездки. Скоро увидимся!

– Не сомневаюсь, – прошептала Айла.

Запись выключилась, и её заменил чёрный экран с трехмерным логотипом «Мэссив Генетик».

На въезде в Зону-22 уже скопилась толпа протестующих против работы Пирамиды. Кто-то, едва увидев автомобиль, успел бросить пакет с краской и забрызгал боковое окно, у которого сидела Айла. Водитель быстро выкрутил руль и вдавил педаль газа в пол.

– Придурки! – выкрикнул он, наблюдая, как толпу разгоняют водомётами с охранных башен.

Поскольку мост взорвали, въезд на него был закрыт, и водитель направил автомобиль в сторону спуска к воде. Там находилась небольшая переправа, которая, сейчас была полностью перекрыта железной решёткой. У ворот стояли охранники. Водитель притормозил у ворот и высунул в окно удостоверение.

– Плюс один, – сказал он.

Охранник отсканировал документы обоих сопровождающих Айлы и тронул пальцами козырёк фуражки. Автомобиль спустился к воде и въехал на поджидающий паром.

Когда машина пересекала реку, Айла с ненавистью смотрела на остатки моста. Он чернел на фоне сверкающей вдали огнями ярмарки Острова Развлечений, откуда ветром разносилось эхо детского смеха. С верхушки чёртова колеса можно было увидеть весь город до самого Пояса Отчуждения и часть Вайерхофа, где всё ещё громоздились старые строительные краны, покосившиеся над землёй, как ржавые кузнечики с переломанными ногами, и вышки забро-

шенного аэропорта. Кай очень хотел их увидеть вблизи. Он вообще испытывал странное влечение ко всему ветхому и покинутому, как любопытный ребёнок, который начитался рассказов о привидениях, обитающих на заброшенных пустырях. Даже странно, что именно Айлу, а не его, отец ловил в похожих на эти рассказы местах. Но Айла-то попадала туда обычно случайно, ведомая уговорами своих друзей, напыщенных дворовых мальчишек, пока её любимый брат делал домашние задания и зачитывался готическими рассказами, найденными в старых журналах. И получала от отца по шее за свои прогулки туда тоже она, пока Кай выпытывал у неё: ну как же там было, в том или этом старом доме? Правда ли, что там лежат скелеты в заскорузлом тряпье, а двери и окна открываются и закрываются сами собой? И не верил, когда она говорила, что кроме пыли, непонятных тряпок, битых кирпичей и трухлявых досок там не было ничего.

На глаза Айлы навернулись слёзы. Сейчас над руинами спокойно трудились рабочие, а их работу проверяли радиоуправляемые дроны, снабжённые лазерными сканерами. Разрыв между опорами уже соединяло несколько железных балок. Такими темпами мост быстро починят, а пока между Рингом и городом курсировал паром – жизнь в городе продолжалась, никто не заметил, что её брата не стало.

На другом берегу автомобиль остановился перед шлагбаумом. Охранники снова достали пропуска и подставили под сканеры двух военных, стоящих по обе стороны от машины.

– Плюс один, – повторил водитель и показал пальцем за спину. – Образец «Ундина».

Военные махнули человеку в будке на вышке, и тот поднял шлагбаум. Машина медленно двинулась с места и въехала на территорию Ринга.

«Образец „Ундина“». Теперь она не Каролина Адлер, а образец.

Вдруг где-то рядом послышался громкий лай. Огромная дворняга неслась в сторону автомобиля и злобно лаяла.

– Снова она! – выругался водитель и крикнул одному из охранников: – Или пристрелите уже эту псину, или посадите на цепь!

– Если бы это было так просто, – ответил охранник и приказал двоим на вышках собираться и ловить зверя. Те кивнули и, как заметила Айла, как-то неохотно начали спускаться вниз. Видимо, злобный метис уже порядком им надоел и они шли его ловить уже не впервые. Собака, будто почувствовав намечающуюся охоту, гавкнула последний раз и удрала за угол какого-то серого здания, у которого громоздилась куча шин.

Стеклянная пирамида вблизи казалась ещё выше и громаднее, чем издали, а за тонированными стёклами, как сквозь тёмную дымку, проглядывалось всё, что происходило внутри. По винтовым лестницам, подобно десяткам муравьёв в стеклянном лабиринте, ходили люди: кто в военной форме, старой и новой, кто во врачебных халатах, кто в деловых костюмах. Врачи что-то воодушевлённо обсуждали и показывали друг другу какие-то графики. Ещё двое в форме санитаров пили кофе на диване и смотрели в подвешенный на кронштейне экран. Трое военных стояли у стойки информации и о чём-то говорили с администратором.

Стеклянные двери разъехались в стороны, пропуская Айлу с сопровождающими внутрь. Лазер на входной арке отсканировал лица вошедших и внёс время их прибытия в базу. Люди в деловых костюмах медленно проплыли мимо, уткнувшись лицами в синие папки. К каждой двери были приставлены охранники, такие же огромные, как те, что вели её сюда. Там была и профессор Сели Аяр. Она сидела в холле на диване, изящно закинув ногу на ногу, и перебирала документы.

Айла остановилась у бетонного перекрытия, заметив, как один из военных подошёл к главе отдела экспериментов. Какой-то не по уставу нечёсанный южанин. Среднего роста, хмурый, небритый, с горбатым, как у породистого цыгана, носом. Отросшие чёрные волосы были наспех приглажены, справа серебрился седой клочок. Если бы отец увидел в строю такого неряху, он бы срезал его торчащие во все стороны патлы армейским ножом вместе с кожей. Мужчина

стоял вполборота, и Айла могла разглядеть только половину его смуглого лица, покрытого мелкими белыми шрамами. «Похож на террориста», – с усмешкой отметила Айла. Но между тем его лицо показалось ей знакомым, будто виденное очень давно.

Мужчина что-то сказал Сели, и его голос послужил удивительным несоответствием его небрежному внешнему виду. Он был мягким и глубоким, и Айла поймала себя на мысли, что ей захотелось завернуться в этот голос, как в плед. Мужчина заметил на себе её любопытный взгляд и повернулся, Айла успела отвернуться.

– Эй, – окликнули её. – Тебя ждут.

Стекло, бетон, простор, пара раскидистых пальм, служивших декорациями, и огромные плазменные панели, на которых транслировались научные рекламные ролики о стадиях человеческой жизни с отрисованными на компьютере разноцветными хромосомами ДНК, – вот чем была Пирамида внутри. Она сверкала чистотой так, что казалась стерильной, как огромная лаборатория. Сверху, будто с самой крыши, через все сорок с лишним этажей спускался стильный светильник, состоящий из сотен светящихся палочек, которые приходили в движение от малейшего движения воздуха, что при ближайшем рассмотрении оказалось обманкой, работающей по принципу зеркал.

– Нам сюда. – Охранник поманил её к центральному лифту. – Он поднимет нас на самый верх.

Лифтом он назвал стеклянную со всех сторон колбу с поручнями из начищенного металла. Мужчина нажал красную кнопку на бетонной панели, и прозрачные двери разъехались в стороны. На сорок третий этаж они ехали меньше минуты и совсем бесшумно. Айла старалась не смотреть по сторонам, ища спасение от врождённой боязни высоты в созерцании кнопок на панели управления, и от её внимания не ускользнуло, что кнопка напротив двадцать пятого этажа отсутствовала.

– А почему кнопки нет?

Охранник не ответил – или ответил, но Айла не услышала из-за очередной волны удушающего страха перед стремительно удаляющимся от неё полом первого этажа. Лифт был оснащён плазменным экраном, помещённым под стекло в стене. Он был включён, и в эфире шли новости. На экране крупным планом показывали лицо генерала Амона Бранда, который выступал перед собранием военных министров. Звук был выключен, но вид краснеющих министров красноречиво говорил, что его грубый резкий голос бил их по задницам, как серп.

Этот герой Креста получил своё звание в очень молодом по меркам военных возрасте, сразу после гибели своего предшественника, когда ему был всего тридцать один год. Бранд создавал впечатление достаточно толстокожего человека, которого мало волнуют сплетни вокруг своей персоны. Невысокий, сдержанный генерал обычно говорил мало и всегда по существу, а когда повышал голос, даже спины бывалых военных покрывались неприятной липкой испариной. Суровое лицо его было испещрено мелкими оспинами, из-за которых он выглядел старше своего возраста, умные глаза смотрели холодно, словно оценивая в собеседнике потенциального противника, а губы были всегда поджаты, будто этот человек изначально был с чем-то не согласен и готовился возразить. Светлые, цвета ржи волосы его виднелись из-под чёрного с золотой отделкой военного берета и были аккуратно подстрижены согласно уставу. На его военном костюме цвета зелёного мха не висело ни одного почётного знака отличия или награды – для того, чтобы понять, кто этот человек, было достаточно увидеть золотого щегла на его берете.

После войны отец иногда приглашал его к себе в гости. В один из таких вечеров, засидевшись допоздна, Бранд, тогда ещё полковник, рассказал любопытным детям генерала о том, как получил свою знаменитую птичку.

Когда началась война, распорядитель военной комиссии приписал будущего генерала к части, базировавшейся в лесу близ Вороньей высоты и следившей за исправностью электрического кабеля, по которому передавались сообщения по всем точкам Кантамбрии.

Это была одна из самых тихих местностей, где профессиональных военных насчитывалось всего несколько человек, а остальные были инженерами, способными починить кабель с помощью скрепки и жевательной резинки. Двадцатидвухлетний Бранд, юркий, как щегол, там исполнял роль «подай-принеси» и иногда учился стрельбе, используя в качестве мишеней пустые банки из-под тушёнки. Четыре месяца с начала войны для него пролетели быстро и прервались в один час, когда на их лагерь напали Зверёныши Кайны. Слухи об этом секретном военном проекте под общим названием «REX-9» уже давно ходили по округе, но никто не верил в реальность существования этого отряда убийц. И Бранд тоже не верил, пока один из подопытных не ткнул ему в затылок дулом «Сердца Чарны».

Обдолбанные синтетическим наркотиком, который создавали в одной из закрытых лабораторий рядом с эвдонской деревушкой Кайна, не видящие ничего, кроме ярких наркотических галлюцинаций и гипертрофированной реальности, Зверёныши пришли в их лагерь ровно в полночь. Тогда-то Бранд и увидел самого главного из них, о котором в округе принято говорить было только шёпотом. Когда Щегла вместе со всеми захваченными в плен поставили на колени, лицо этого человека возникло перед ним, выплыв из густой ночной тьмы. Смуглое, скуластое, в синяках и ссадинах, с пустыми глазами. Он опустился рядом с ним на колени, вынул изо рта дымящуюся самокрутку и чиркнул Бранда ножом по щеке. Тот заорал и навсегда запомнил гравировку на военном жетоне на шее эвдонского ублюдка с именем «Сезар Наис». Именно он через минуту приказал перебить весь лагерь, а сам, пока его отряд трудился в поте лица, связал Бранда и сунул ему в рот кляп из стянутых с трупа связиста носков.

Командира отряда Зверёныши Кайны повесили на дубе, а сами забрали боевые трофеи и исчезли в ночной мгле так же быстро, как и появились. Когда висельник ещё барахтался в воздухе, пытаясь нащупать над ногами почву, Бранд, лишённый возможности ходить, смог подкатиться к задыхающемуся командиру и подставить ему под ноги свою спину. Их нашли спустя больше чем сутки солдаты из другого отряда, которые отправились на разведку, когда их командир не получил ежедневный ответ из сигнальной точки перебитого лагеря.

На следующий день после выписки из госпиталя неудержимый Бранд снова помчался на фронт, на этот раз в самое пекло, где вдоволь настрелялся по позициям эвдонских солдат из окопов близ озера Веверн и развалин крепости Крест. Оттуда его и увезли в тыловой госпиталь после того, как рядом с ним взорвалась нашпигованная дробью граната, на память о которой ему и достались мелкие шрамы по всему телу, оторванное ухо и подозрительность по отношению ко всем неизвестным коробкам.

Бранд три года был правой рукой героя Альгарды и после его смерти принял командование «Треангулом» на себя, чтобы завершить начатое Адлером строительство Стены.

У Айлы не было никаких сомнений в том, что именно Бранд стоял за убийством Нерушимого Генерала.

– Я посижусь в этом лифте, – прошептала она, прикрыв глаза, и не открывала их, пока лифт не остановился. Как только двери разъехались в стороны, она поспешила выскочить наружу, едва не сбив с ног своего конвоира.

– Сюда, – скомандовал мужчина. – Здесь вам нужно зарегистрироваться.

Он оставил её в светлом холле, сквозь прозрачную дальнюю стену которого был виден весь город вплоть до Стены и часть Сектора 0.

Посередине на каменном полу скучало лохматое чудовище, похожее на занятную помесь хаски с медведем. Когда Айла оказалась рядом, пёс лениво поднял голову, что-то тихо твякнул и перевернулся на спину, подставив гостье примятое белое пузо. Пушистый хвост дружелюбно забился об пол.

– Это Орешек. Он не кусается.

За одиноко стоящим посередине холла стеклянным столом сидела молоденькая секретарша – уставшая, но улыбчивая куколка лет восемнадцати в аккуратном приталенном белом костюме. Именно её Айла видела на видеозаписи в автомобиле. Кожа цвета арабики с молоком, пушистые волнистые волосы, забранные в высокий хвост на макушке, угольно-чёрные миндалевидные глаза...

– Почему-то я так и подумала, – ответила Айла, глядя, как животное замерло в ожидании ласки. Подойдя к секретарше, она сразу заметила через стеклянный стол, что у девушки не было обеих ног по самые бёдра и что их заменяли блестящие бионические протезы из множества начищенных пластин. Такой же протез заменял ей и правую руку, как и часть груди.

«Сколько же в ней железа?» – подумала Айла, ужаснувшись количеству и сложности перенесённых ею операций. Голову девушки опоясывала прозрачная трубка, которая присоединялась к компактному аппарату вентиляции лёгких под столом и шла к её носу. На её груди висел серебряный бейджик с именем «Джойс».

Секретарь нажала кнопку на клавиатуре и улыбнулась:

– Вы, наверное, «Ундина»? Роман говорил, что вы скоро приедете.

На её рабочем столе не было ни одного лишнего предмета, кроме целой обоймы маленьких баночек с таблетками на таймерах и фотографии, которые делаются в будках для быстрых снимков. На фотографии эта девочка обнимала со спины того носатого цыгана с первого этажа.

На груди Джойс висел странный кулон в виде микросхемы. На чёрном экране мелькали разноцветные пиксели, которые постоянно перемещались и собирались в хаотичные узоры.

Джойс быстро набрала что-то в компьютере. Когда её тонкие пальцы двигались, Айла слышала скрип маленьких шарниров внутри её протеза. Наклонившись, чтобы сесть на стул напротив, Айла смогла разглядеть, что кулон на груди секретарши был вовсе не кулоном – этот сияющий разноцветными пикселями чип не болтался на её шее на цепочке, он был вживлён в грудную клетку девушки, и пиксели меняли своё расположение синхронно с сердечным ритмом.

На секунду Айла даже подумала, что перед ней сидит не живой человек, а андроид, подобный тем, что наводнили каждый город семьдесят лет назад, заменив собой секретарей, садовников, уборщиков, водителей такси, и чуть не довели мир до массовой безработицы. А после войны, когда у людей не стало хватать денег даже на еду, не говоря уже о профессиональном помощнике, человек перестал нуждаться в их услугах, и почти всех андроидов утилизировали, пустив их на запчасти для автомобилей или переплавив на консервные банки.

Но всё же, несмотря на многочисленные вживлённые металлические элементы, Джойс была человеком, которому пришлось, в силу неизвестных обстоятельств, перенести несколько серьёзных операций по имплантации.

Джойс протянула Айле планшет с электронной анкетой.

– Заполните, пожалуйста, – попросила она.

За дымчатыми стеклянными дверями, ведущими в кабинет Авроры, мелькали две тени. Вернее, мелькала только одна, а вторая стояла на месте и будто следила, как вторая мечется из стороны в сторону. До Айлы долетали только приглушённые обрывки фраз, из которых было понятно, что разговор шёл на повышенных тонах.

«Он не может так поступить... на каком основании... что ты можешь сделать? Ты же можешь что-то сделать?! Я не позволю...», – звенел встревоженный женский голос.

«Прекрати...», – успокаивал её уже знакомый мужской голос. – Я сказал, что всё улажу... ты же знаешь, он постоянно угрожает...»

– Что там происходит? – Айла обратила внимание, как тени замерли напротив друг друга.

– А? – отвлеклась от монитора Джойс. – Мейнёр Вольски-старший. – Она пожала плечом. – Пирамида зависит от инвестиций Львиной Лапы, и госпожа Сантери каждый день борется за финансирование.

Айла вернулась к анкете.

– Но здесь только имя, – она обратила внимание Джойс на самую верхнюю графу.

– А больше и не нужно, – пояснила та и сильно закашлялась. Переведя дыхание, она сделала пару глотков из стоящего по правую руку стакана с водой: – Просто впишите имя прописью, номер и название введенного вам образца. Секунду. – Она что-то поискала в компьютере. – Ваш номер 83А-6. Вы же ещё не проходили тест?

– Тест крови? Нет.

Она хотела сказать Джойс, что заняла место брата, но промолчала. Весь внешний вид этой девочки говорил, что ей и без того было нехорошо, чтобы грузить её ещё и своими проблемами.

– Ничего страшного, значит, скоро пройдёте. – Она снова улыбнулась и мизинчиком указала гостю присаживаться на диван. На нём рядом с подлокотником приютился какой-то пушистый чёрный комок. Он будто почувствовал приближение претендента на своё место и зашевелился. Появилась голова с крошечным розовым носиком и ярко-зелёными сонными глазками.

– Букашка, брысь! – зашипела на кошку Джойс, но та и не подумала спрыгивать. Вместо этого она сыто зевнула, лениво потянулась и перевернулась на другой бок.

– Букашка? – спросила Айла, усаживаясь рядом с неподвижным животным.

– Когда я принесла её в Пирамиду, она была размером с ладошку. Бегала по коридорам, как маленькая таракашка. Так её и прозвали.

«Имя: Каролина. Возраст: 20. Родственники: ...»

Её рука застыла над строкой.

«Нет».

«Хронические заболевания, особые навыки, дата прибытия в Пирамиду»... тысяча и один вопрос.

«23 августа 2153 года», – написала Айла. Орешек усадил своё громоздкое тело рядом, положив голову на подлокотник, и, виляя пушистым хвостом, терпеливо ждал, когда же его соизволят погладить.

Джойс шикнула на него, и Орешек с понурой головой покинул Айлу, найдя новое пристанище под столом. Видимо, из всех присутствующих здесь животных только пёс покорно слушался свою хозяйку.

«Состоите ли вы сейчас в близких отношениях с кем-либо?»

– Это здесь при чём? – возмутилась девушка.

– Это на случай, если с вами что-то случится, – ответила Джойс. – Мы, конечно, все здесь под присмотром, но, если вы пострадаете, людям, которым вы дороги, об этом доложат. Это же не тюрьма.

– В каком смысле, если я пострадаю?

– Ох, разве Роман ещё не давал вам инструкцию по безопасности? Не волнуйтесь, это обычная формальность. Понимаете, – девушка чуть подалась вперёд, – когда «Мэссив Генетик» ещё только начинал разработку ревинтола, находились те, кто решал, что их способность к регенерации после введения сыворотки становится безграничной, и считал необходимым устраивать некоторые эксперименты.

– А это не так?

– Конечно, нет. Добровольцы обладают способностью быстрее остальных залечивать раны, но они не бессмертны. – Джойс, будто опомнившись, махнула рукой. – Хотя что я вам говорю, вот.

Она протянула Айле небольшую брошюру.

– Это правила безопасности. У вас будет время ознакомиться с ними. Там нет ничего особенного, просто небольшие выдержки из лекций профессора Аяр о регенерации вообще и о ревинтоле в частности. Когда вы её прочтёте, сами всё поймёте. Но это позже. Сейчас вам нужно заполнить анкету, чтобы я могла внести её в базу.

Анкета была небольшой и в основном касалась различных навыков, которыми человек мог овладеть до попадания в Пирамиду. Айла ничем особенно не владела, разве что неплохо рисовала. Хотя куда ей до своей знаменитой прабабки, чьи картины вдохновляли людей? Сама Айла разве что могла задумчиво чиркать ручкой в блокноте, пока висела на телефоне в ожидании, когда кто-нибудь в отделе статистики ответит на звонок.

– И разве у меня сразу не снимут отпечатки пальцев, например? Чтобы ввести в моё личное дело.

– Планшет их уже снял, – добродушно ответила Джойс, не поняв шутки. – В чехол встроены специальные сенсоры. Ваши отпечатки уже в базе.

Молочно-дымчатая дверь в кабинет директора открылась, и оттуда вышел Роман. Джойс хотела что-то ему сказать, но Вечный Наследник прожёт её взглядом и со скоростью пули метнулся в сторону выхода.

Джойс немного помедлила, но нажала на кнопку переговорного устройства.

– Госпожа Сантери, нъети Адлер ожидает в приёмной.

Ответ последовал спустя несколько секунд. Из динамика послышался мелодичный и лёгкий, как воздух, женский голос, будто его обладательница не срывалась на крики пару минут назад.

– Пусть войдёт. Я её приму.

Глава 6

Повсюду в кабинете госпожи Сантери стояли тигровые лилии, что резко контрастировало с навязчивой белизной стен и мебели. Эти вспышки оранжевого цвета будто вступали в какой-то диссонанс с враждебной стерильностью просторного помещения и боролись за право быть там, отчего смотрелись весьма выигрышно, отвлекая всё внимание посетителей на себя.

Аврора, облачённая в больничный халат, сидела за широким рабочим столом и подписывала какие-то бланки. При первом взгляде на эту женщину можно было подумать, что она сделана из фарфора. Очень светлая кожа светилась голубоватыми прожилками, тонкие запястья украшали плетёные браслеты из золота, на длинной шее висело дорогое жемчужное ожерелье, изящная оправа очков поблёскивала вокруг светло-зелёных выразительных глаз в обрамлении тонких морщинок – казалось, эта женщина разобьётся на осколки, если топнет ногой. Айла заметила в мусорном ведре разбитую стеклянную вазу и сломанную лилию, и ей вспомнился раскрасневшийся в гнев Куцый Вольски. Похоже, Авроре всё же иногда приходилось топтать ногами.

Когда матовое стекло сомкнулось за спиной Айлы, госпожа Сантери отвлеклась от бумаг и посмотрела на неё поверх очков.

– Прошу, присаживайтесь.

Вживую голос Авроры оказался ещё более воздушным, чем слышался через динамики.

Она указала взглядом на белоснежный кожаный диван.

– Я надеюсь, вас не смущает высота?

Диван стоял у наклонной стеклянной стены, откуда открывался вид на весь восток.

– Если честно, здесь высоковато. – Айла нерешительно присела на край, стараясь не смотреть в окно.

– Мы специально строили Пирамиду с прозрачными стенками. Из кирпича и бетона здесь сделаны только внутренние перекрытия и стены на этажах под землёй, где находятся кладовые и коммуникации.

Айла не сразу заметила едва уловимое сходство между Авророй и Джойс. Похоже, девочка из железа была её дочкой.

И всё-таки глава Пирамиды недавно плакала – глаза Авроры были немного красными. Улыбка скользнула по её тонким, но красиво очерченным, тронутым персиковой помадой губам.

Блуждающий по незнакомой обстановке взгляд Айлы остановился на триптихе на внутренней стене, за которой притаилась зона отдыха. На нём изображались непонятные, будто парящие в невесомости существа с ножками на головах, расправленными во все стороны.

– Это гидры, – ответила на безмолвный вопрос гостьи хозяйка кабинета. – Одни из существующих в мире бессмертных существ. Их стволовые клетки не стареют. Гидра размножается

почкованием, а это значит, что она практически бесконечно плодовита. Кроме того, в её геноме есть особый ген, который отвечает за иммунитет, что даёт возможность этому существу жить вечно.

– Интересно.

– Действительно, – Аврора сделала вид, что не заметила нотку сарказма в голосе Айлы, и отложила бумаги. В рыжем луче закатного солнца её белокурые волосы сверкнули золотом. – Это существо относится к простейшим, – улыбнулась она, – а мы уже полвека бьёмся над тайнами её генов.

– А это не похоже на гидру, – Айла кивнула в сторону противоположной стены, где от пола до потолка располагалось изображение грибовидной медузы с красной сердцевиной.

– *Turritopsis Nutricula*, – пояснила Аврора и развернулась в сторону гостьи. – Это единственный известный науке вид медуз, который считается бессмертным, если, конечно, не уничтожать их физически. Как известно, жизненный цикл медуз заканчивается сразу после репродукции, но этот вид способен после размножения немедленно перестраивать структуру собственных клеток, обновляя их и регенерируя, тем самым начиная свою жизнь заново. Это существо по размерам не превышает пяти миллиметров, а не дает покоя учёным уже несколько веков. Я рада, что вы пришли.

Королева. Вот на кого была похожа эта женщина. Настоящая королева, царица. А Пирамида была её царством, государством в государстве. Айле отчего-то стало неловко в присутствии этой женщины. Будто одним своим обликом она, Айла, не соответствует какому-то негласному стандарту этого помещения.

– У меня не было выбора, – ответила Айла. – И вам это известно.

– Верно, – доброжелательный тон Авроры будто ветром сдуло. – Но это был и не мой выбор тоже.

– Зачем мне вкололи сыворотку? На том мосту пострадали десятки. Почему я?

– Когда мы узнали, что вы с братом попали в больницу, его контракт оказался под угрозой расторжения по причине форс-мажора, что значило, что всю внесённую нами авансом за несколько месяцев оплату в вашем случае заберёт банк Гельдерлина. Я не могла этого допустить, поэтому вы стали приоритетной заменой. Мы сделали необходимые тесты и выяснили, что у вас не будет аллергической реакции на ревинтол, как и у вашего брата. Поэтому мы и ввели сыворотку вам вместо кого-то ещё. Если бы ваш брат – кстати, весьма приятный молодой человек – не уговорил меня и менейра Вольски перевести деньги до того, как он окажется в Пирамиде, вы сейчас были бы мертвы.

– Что будет с его телом? – спросила Айла.

– Генерал Бранд уже распорядился о похоронах, – покровительственным тоном ответила Аврора. – Примите мои соболезнования.

– Спасибо, – поблагодарила девушка, несмотря на безразличный тон, которым эти соболезнования были произнесены.

– Итак, что бы вы хотели узнать? – спросила Аврора.

– Что теперь будет? Уйти-то я теперь не смогу. Чего мне ждать? Меня запишут в армию или что-то вроде того?

– Что-то вроде того. Добровольцы Пирамиды не являются контрактными военными. Пирамида работает на «Треангул», но мы не призывная комиссия. Наши люди только помогают военным. Да, здесь есть площадка, где военные проходят обучение, но вы не будете иметь к ним отношения.

– А физподготовка? В договоре говорилось, что такие, как я, будут сдавать нормативы «Треангула».

– Да, – кивнула Аврора и сложила руки на животе. – Мы должны отслеживать вашу реакцию на ревинтол. Любая физическая активность – своего рода стресс для вашего организма, и ревинтол реагирует на него.

– И он может отреагировать как-то не так?

– Пока острых реакций выявлено не было, разве что у некоторых добровольцев появляется бессонница. Но наши врачи с этим справляются. Вам не о чем беспокоиться.

– Даже о репортёрах? Когда я покидала больницу, меня окружило штук двести этих кровопийц. Вряд ли они оставят меня в покое и здесь.

– О, не стоит преувеличивать, ньети Адлер, их было всего тридцать восемь. У Джойс ушло много времени, чтобы обзвонить все редакции города и сообщить, что вы выжили.

– Так это подстроили вы? – Айла мгновенно выпрямила спину, удивляясь подобной наглости.

– Разумеется. Вы же не думаете, что журналисты обычно случайно проходят мимо нужного места на карте? Им всегда сообщают, где быть и зачем.

– Знаете ли, это было унижительно...

– Это был идеальный информационный повод, – почти не утруждая себя, перебила её Аврора. – Теперь ваше имя не сойдёт с первых полос несколько дней. Сами подумайте, дочь самого Нерушимого Генерала теперь работает на Пирамиду. Ваше присутствие здесь облегчит жизнь многим людям.

– И даст повод для громких заголовков.

– А там, где есть громкие заголовки, там всегда присутствует интерес.

– И деньги.

– Как следствие.

– Мне это не нужно.

– А это и не должно быть нужно вам. Это нужно мне. Я веду сложную работу, а вы можете её облегчить.

– Вы собираетесь зарабатывать на моём имени?

– Не на вашем имени, а на имени покойного генерала. И мне не нужно ваше согласие. Понимаю, вы злитесь, но на данный момент с этим фактом лучше смириться.

– Вы с Романом два сапога пара.

– А вы похожи на отца – тоже живёте в мире иллюзий. Айла, я не собираюсь становиться вашей подругой или матерью. Я – ваш начальник, Роман – ваш начальник, а вы – подчинённая. Вы – очередной пункт в моём отчёте генералу Бранду. И лучше вам уже это понять.

– И в мыслях не было становиться вашей подругой.

– Тогда у меня на этом всё, – сказала Аврора, возвращаясь к документам. – Пару дней вы будете находиться в боксе для адаптации, где вам выдадут свод правил «Мэссив Генетик», позже вас обследуют, выдадут форму и определят в общую комнату к остальным новичкам для теста крови. Приятного вечера.

Глава 7

Жилой бокс для адаптации был светлой комнатой размером три на четыре метра, куда вёл длинный коридор, который на сектора делили магнитные рамки, каждая из которых считывала параметры лица Айлы и требовала подтверждение личности с помощью карточки сопровождающего персонала. Комната была белой и обитой мягкой тканью, как палата в сумасшедшем доме, хотя профессор Аяр объяснила, что ткань на стенах создаёт более уютную атмосферу, чем кафель, которым отделывают стены в лабораториях, или бетон в казармах, где живут прошедшие тест.

Когда Айла увидела ассистента Сели Аяр, который всюду молчаливо следовал за ней, то по ошибке приняла его за такого же андроида, за которого недавно приняла и Джойс. Это был весьма милый парень лет двадцати двух с невероятно гладкой кожей, которая больше походила на равномерно нанесённый на пластиковый каркас полимер, чем на живой эпидермис. Волосы его были прилизаны к черепу настолько ровно, что казалось, если по ним провести пальцем, они заскрипят. Всё в облике этого молодого мужчины будто кричало, что он не был рождён живым человеком, а был создан на конвейере по какому-то трафарету, даже глаза его блестели, будто стеклянные. Он всё время молчал и стоял у стены в обнимку с какими-то бланками, оживляясь, только когда Сели обращалась непосредственно к нему. Хотя слово «оживлялся» было не совсем верным. Скорее, он выходил из режима сна, как компьютер, и кивал в ответ на задание.

– А что это с ним? – тихо спросила Айла, не желая привлекать внимание странного ассистента, когда тот аккуратно складывал на её подушке полотенце.

Но Сели ответила громко:

– Нет нужды шептать. Это Майло. В детстве у него обнаружили синдром Ходячего Мертвеца. Вы же слышали о нём? Год назад ему сделали последнюю операцию.

– Так он что, теперь не человек? – Айла озадаченно покосилась на Майло, который продолжал всё так же степенно заправлять углы её одеяла под матрац.

– Нет. Он андроид на 99 процентов. От человека у него остались только зубы и дёсны. Всё остальное – полимеры и бионические импланты.

Оставляя Айлу в комнате, профессор Аяр показала ей пульт управления телевизором, который занимал полностью одну из стен.

– Здесь, – она протянула толстую, переплетённую и завизированную бумажную пачку, – собраны все правила, по которым живёт и работает «Мэссив Генетик». Их много, но они учитывают все необходимые аспекты, чтобы обеспечить жизнедеятельность Пирамиды и безопасность её обитателей, принимая во внимание их возможности и потребности. Советую для начала ознакомиться с этим документом. После вам выдадут временный пропуск на все этажи, но далее ознакомительных ярусов вы не сможете пройти – доступ по пропуску ограничен. Да,

на всякий случай уточняю, все сороковые этажи – это администрация, на тридцатых располагаются лаборатории, на двадцатых – охрана и больничные боксы с изоляторами, на десятых – конференц-залы, на этажах от первого до десятого – всё, что касается военной службы. Когда вы пройдёте тест крови, вам выдадут пропуск на первые десять этажей, на остальные вы сможете попасть только в сопровождении капрала Каана. План ярусов для ознакомительной экскурсии вы найдёте в планшете, куда уже записан ваш маршрут. Через наушники электронный гид сориентирует вас на этажах. Ужин вам принесут через час, после можете быть свободны. Завтра вам проведут медосмотр. Если ночью у вас будет бессонница, сообщите через пульт на стене. – Она указала на небольшой прибор с экраном у входной двери. – Наша штатная медсестра принесёт вам успокоительное. Не стоит этого бояться или стесняться, новенькие очень часто страдают расстройством сна после введения ревинтола. Бояться уколов или таблеток тоже не стоит – все лекарства прошли необходимые исследования и сертификацию.

Айла кивнула.

– До встречи. – Глава отдела приняла её кивок за согласие. Оставив сборник правил Пирамиды на кровати, она удалилась.

Айла огляделась – её новое пристанище всё-таки сильно напоминало палату в доме для душевнобольных, но она отогнала от себя мысль, что дверь в её комнату не откроется, когда она повернёт стеклянную ручку.

Душевая комната находилась за дверью у изголовья кровати. Айла скинула с себя одежду и зашла в душ. Тёплая вода приятно заскользила по коже, смывая остатки речного ила. Мыло и шампунь благоухали мятой и травами, и этот аромат быстро отбил запах тины и больницы, которым всё ещё пахли её волосы и кожа.

Напарившись в душе, она завернулась в полотенце, села на кровать и включила телевизор. Стена напротив загорелась синим цветом, а потом на ней появился логотип «Мэссив Генетик», который через пару секунд разлетелся на десяток небольших экранов, предлагающих выбрать нужный канал. Девушка выбрала тот, по которому показывали шторм и волны, правдоподобнее которых могли быть только волны реальные. Айла взяла с прикроватного столика очки и нацепила на голову, чтобы через секунду сорвать их, когда мощная волна врезалась в её голову. Она переключила канал на тот, что не вызывал в ней чувство тревоги.

Час длился очень долго. Айла тихо лежала на кровати, изучая белый потолок, и слушала голос в телевизоре. Запись старой передачи вещала об утраченных сокровищах династии Роксбургов и о том, что найденные ещё до войны в Долине королей обезглавленные останки короля Осе и его жены преподнесли учёным неожиданный сюрприз и вместе с тем загадку – анализ ДНК третьего тела из склепа, которое археологи приняли за тело принцессы Ясны, показал, что это не она. Это породило множество вопросов, главными из которых были: куда пропало тело убитой принцессы и как посторонний человек оказался похороненным в могиле вместе с королём и королевой?

Обед принесли минута в минуту через час после того, как Сели об этом сказала. Это была пряная румяная котлета и варёные макароны с лежащей рядом добавкой из дроблёных орехов.

– У меня аллергия на орехи, – поджала губы Айла, отодвигая фундук в сторону.

– Как так? – удивилась принёсшая поднос повариха и оглянулась на не имевшего ни малейшего понятия о таких подробностях солдатика, который сопровождал её по этажам. – Почему этого не было написано в личном деле?

– Я писала об этом в анкете. – Айла пожалала плечами.

– Вы покрываетесь сыпью?

– Начинаю задыхаться, – уточнила Айла. – Брат однажды купил у спекулянтов целый пакет фундука и грецкого ореха, я чуть не задохнулась, когда попробовала пару штук.

– Вот беда. Скажу Джойс, чтобы она перепроверила ваше дело. Она иногда забывает, что перенесла из анкеты, а что – нет.

Айла уже давно не ела ничего вкуснее этой простой пищи. Мясо для её семьи было дорогим удовольствием, но Кай иногда покупал его, если хватало баллов на карте, а иногда не покупал, предпочитая побаловать сестру яблоками, если, конечно, ему не приходилось выбирать между этими яблоками и куском хлеба. Вспомнив о брате, она взяла фотографию с тумбочки, и ей снова стало грустно. Не считая ночей, проведённых в больнице, эта ночь будет первой без него. Дома Кай часто оставался ночевать рядом с сестрой, когда после очередного приступа панической атаки она не могла уснуть, она и сейчас чувствовала, что близка к новому приступу, только вот рядом уже не было того, кто бы обнял и защитил.

Айла сделала телевизор громче, будто он мог заглушить её страхи.

На следующий день она отправилась на запланированную прогулку. Экскурсионные этажи Пирамиды напоминали лабиринт, и чтобы не запутаться при переходе с яруса на ярус, Айле постоянно приходилось сверяться с картой в планшете, а гид в наушниках то и дело запинаясь, стоило ей на шаг изменить маршрут, и подвисал, корректируя данные. Она проходила этаж за этажом, исследуя бетонные и стеклянные ярусы с любопытством школьницы, заглядывая за все углы и суя нос во все позволенные ей для посещения кабинеты.

Пользоваться лифтами её пропуск ей права не давал, а потому приходилось спускаться и подниматься по лестницам, буквально на каждом шагу прикладывая карточку к сканерам и подтверждая своё право на присутствие на этаже. Всюду стояли стеклянные стенды и табло с указателями, где она находится в данный момент и что её ждёт за углом. Что-либо спрашивать у персонала, которым полнились коридоры, было бесполезно, работники Пирамиды были слишком заняты своими бланками и графиками и чаще проходили мимо, иногда достаивая Айлу молчаливым жестом.

На семнадцатом этаже ей посчастливилось попасть в музей Пирамиды, где помимо больших распечатанных фотографий на растяжках, запечатлевших основные моменты жизни «Мэссив Генетик», находилась экспозиция старого оружия, которое было в ходу у армии во время войны с Эвдоном. Автоматы, гранаты, световые и дымовые пашки, установки, способные стрелять по тысяче зарядов в минуту, шокеры, пистолеты, патроны, самонаводящиеся пули, гильзы, – невидимый гид утверждал, что это оружие всё ещё находилось в рабочем состоянии.

Между стендом с пробитыми касками и противопехотными минами на стекле двигалась динамическая картинка – только что получивший звание генерала Роланд Адлер машет толпе на параде в честь победы. Высокий, красивый, весь в орденах. Что-то защемило в груди. Он будто был жив ещё только вчера. Невзрачный Амон Бранд стоял позади и сверкал на солнце золотым щеглом на берете.

Внутри стеклянной колбы, что подпирала потолок в самом дальнем углу музея, находилась единственная оставшаяся после войны винтовка «Сердце Чарны».

– Правда, красотка?

– Мм?

Позади стоял невысокий мужчина лет пятидесяти с пышными седыми усами. Стрижечка, выправка, приглаженные манжеты, колючий умный взгляд – всё говорило в пользу того, что этот человек был из военных или бывший гэбэшник. Только одет он был в штатское, а значит, уже вышел в отставку. Он стоял у стенда с кольтами и закрывал бокс на замок с отпечатком пальца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.